

ЛУЧШИЙ РОМАН ОБ ОТНОШЕНИЯХ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

Татьяна Веденская

ТАКАЯ ГЛУПАЯ ЛЮБОВЬ

тираж
превысил
3 миллиона
экземпляров!

Книга Татьяны Веденской лучше сеансов психоанализа
возвращает к жизни.

О.Маховская. психолог, писатель

Татьяна Веденская

Такая глупая любовь

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Веденская Т.

Такая глупая любовь / Т. Веденская — «Автор», 2016

ISBN 978-5-699-88482-7

Сегодня очень важный день для Маши – презентация дизайн-проекта, над которым она работала вместе с Робертом. Роберт... Когда она думает о нем, бабочки порхают в животе. Когда представляет, какой долгой и счастливой будет их семейная жизнь, в душе звучит музыка. Жаль, что Он не слышит этого дивного мотива, не догадывается о прекрасном чувстве девушки. Боже мой, но что случилось с презентационными материалами?! Они заляпаны и измяты! Маша не может упасть в грязь лицом перед возлюбленным! Унижение и стыд плохо сочетаются с любовью. Или все же случается?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88482-7

© Веденская Т., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	19
Глава четвертая	26
Глава пятая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Татьяна Веденская

Такая глупая любовь

© Саенко Т., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава первая

Благородная чета Кошкиных

Чемоданы стояли в углу прихожей, а рядом с ними стояла Мария Андреевна Кошкина – Машенька, и выражение ее милого, нежного и немного детского лица совсем не нравилось Татьяне Ивановне. Не этой легкой улыбки, не этого светлого, даже радостного взгляда с задорной хитринкой ждала от своей двадцатидвухлетней дочери мать. И от того, как мечтательно улыбалась Машка, желание уезжать улетучивалось на глазах. Конечно, никому и в голову бы не пришло требовать от доченьки горестных стенаний и громких рыданий с заламыванием рук, мол, не уезжайте, люди добрые, не оставляйте меня одну-одинешеньку в трехкомнатной квартире с окнами на Сокольнический парк, да на целых три неделечки. Ой, да как же я тут без вас! Нет, конечно. Но ведь и радоваться-то было нечему. А она вот радуется, паразитка. Так откровенно и хищно радуется по поводу отъезда семьи, что хочется подойти и наподдать прям... Но нет. Непедагогично.

Любимое выражение ее папеньки – «непедагогично». Вот и довоспитывались, долиберальничались. Поздно теперь менять педагогическую концепцию. Узнать бы теперь еще, что у нее в голове. В тихом омуте...

Маша маму не замечала, и от подглядывания за дочерью Татьяне Ивановне было немножко стыдно. Совсем чуть-чуть. А с другой стороны – и чего теперь? Караул кричать? Кашлять демонстративно? Вот ведь сияет. Наверное, уже вечером затеяла чего-нибудь... как бы это выразиться... непедагогичное. Может, и ехать-то вовсе не стоит. Это все отец, его спина больная, его кости и суставы – иными словами, опорно-двигательный аппарат – гнали их в санаторий, в эти дорогушие Карловы Вары.

Темноволосая головка Машеньки всегда была для Татьяны Ивановны проблемой. С самого детства Маша все делала по-своему, что означало, как правило, что делала она это не так, как надо. И ведь послал бог внешность – никогда в жизни не скажешь, какие черты прячутся за этой милейшей оболочкой.

Как такую оставлять одну? Это в Москве-то? Да к черту эту ее так называемую работу, пусть бы ехала с нами. К слову, кто же так на работу-то ходит, в таких легкомысленных беленьких платьях с открытыми плечиками! Даже пусть и лето, пусть и жара. Но та-а-ак оголять плечи! О чем только думает эта молодежь! Да бог с ней, с молодежью, знать бы, что в голове доченьки хитрющей и чего она так улыбается, какие такие у нее планы на эти три недели. Не наделала бы глупостей.

Самый большой кошмар – взрослая дочь, вошедшая в самую пору делать глупости. И мать прекрасно знает это, потому что сама была такой, и не так уж давно, чтобы вообще об этом не помнить. Да еще на работе чуть ли не каждый день приходится видеть, слышать, от абортотоговаривать. Дуры бабы, ой дуры. Нет, лучше ни о чем не думать, не накручивать себя, а то... никто никуда не уедет.

– Ждешь не дожدهшься? – спросила Татьяна Ивановна, и Машка подпрыгнула, как кошка, пойманная над чужой сметаной. Тряхнула блестящими каштановыми волосами и скривила рожицу.

– Ты меня напугала, мам.

– Не знала, что я на Бабу-ягу похожа, – усмехнулась Татьяна Ивановна и покачала головой. Маша делала вид, что ничего не происходит, но взгляд ее то и дело скашивался на чемоданы. Татьяна Ивановна смотрела и думала: чего в ней такого? Вроде бы самая обычная – а взгляда не отвести. Простые карие глаза – но с хитринкой-веселинкой, личико милое, и нежная, не слишком выраженная линия подбородка. Зато кожа такая матовая и ровная, как бар-

хат, к тому же сейчас, с этим неправдоподобно глубоким загаром, смотрится так, будто только что с морей, из Ниццы. Губы небольшие, пухлые, а улыбка милая, даже ангельская, и ямочка на щеке. Фигурой Маша пошла в отца – невысокий рост компенсировался хорошей осанкой и гордым разворотом плеч. Ладно скроенная, Маша обладала очарованием юности и какой-то гармонией. Ну, и кошачья улыбка, конечно. Улыбка была такая, от которой все Машино лицо словно заливалось светом.

– Ты не на Бабу-ягу, ты на владычицу морскую похожа.

– Не заговаривай мне зубы.

– Которые? Импланты твои? – усмехнулась Машка и убежала.

Эх, хороша девчонка. Как бы не задуррила! Волосы блестят, лежат покорными ровными прядями. Клеопатра. Только глаза и выдают, беспокойные, мятежные. Но мать-то знает, мать-то не проведешь. Все делает по-своему, и всегда так было. Теперь уж и институт позади, кто бы мог поверить. И, между прочим, совсем не тот институт, что для нее был выбран родителями.

Впрочем, кого винить? Характер. А характером этим в нее пошла, в самую Татьяну Ивановну.

– Печенье не хватай! Подожди Сашку, сейчас завтракать будем, – крикнула Татьяна Ивановна, вытирая пот со лба. Август выдался жарким и сухим, так что ни зонтов, ни тем более курток не доставали – не возникало потребности. Уже пройдя по коридору вслед за дочерью, Татьяна Ивановна оглянулась и нахмурилась. Опять кто-то шуровал в чемоданах. Вот же – открыто. Небось Андрей что-то сунул. Или Сашка?

Несмотря на то что чемоданы упаковывались вот уже, наверное, неделю (мама всегда и во всем любила предусмотрительность), время от времени кто-то все равно подходил и раскрывал один из чемоданов, чтобы доложить какую-нибудь никому не нужную ерунду. Ручной эспандер – это Андрей положил. Наивный, надеется, что будет заниматься-тренироваться. Наколенники, чтобы кататься на роликах. Это Сашкины. Как будто ему разрешат по Карловым Варам беспризорно колесить на роликах. Ему только позволь – и через пять минут он уже окажется где-нибудь в Швейцарии, не заметит, как переехал через Альпы.

Ах ты, опять сунул «лизуна» – последнее увлечение Саши! Татьяна Ивановна всплеснула руками и извлекла из чемодана игрушку – склизкий шар из какого-то прозрачного тянущегося материала, ударишь о стену – «лизун» превращается в лепешку, но дашь ему полежать – собирается обратно в желеобразный «снежок», на котором все домочадцы время от времени поскользывались и который ненавидели всей душой.

– Нашла? – спросил Саша, подкравшись из-за спины. Голос, конечно, грустный.

– Где ты только их берешь!

– У меня золотой прииск «лизунов», – гордо ответил сын, двенадцатилетний генератор проблем с вихрастой головой и таким же, как у дочери, непредсказуемым характером.

– Я когда-нибудь хребет сломаю на твоих «лизунах».

– Осторожней надо быть.

– Иди завтракать, умник! – хмуро ответила Татьяна Ивановна. Сын покорно пошел. Завтрак в их доме был традицией, нарушать которую было себе дороже, хотя частенько и вставать, и есть в такую рань не хотелось. Но маму не переспоришь.

Семья должна собираться вместе за одним столом. Даже если дети при этом будут пялиться в фейсбуки свои, да и папа тоже – туда же, новости читать, а мама – всех их ругать, ворчать и требовать повыбрасывать все эти гаджеты. Слово «гаджеты» мама использовала как ругательное.

А сегодня тем более никаких гаджетов, будь они неладны. Это же не просто завтрак – прощальный завтрак. Бедняжка Машка остается в Москве совсем одна! Сиди и рыдай. Вместе с «лизуном». Хотя нет, «лизуна» оставь.

– Я, может, тоже хочу остаться в Москве, – буркнул Сашка, но ответа дожидаться не стал, тут же скрылся в коридоре. А то мог бы и огрести – тапкой в спину. Или «лизуном».

Завтракали по давно уже заведенному порядку. Кухня была небольшая, обычная, и стол теснился у стены, отставленный ровно настолько, чтобы вместить за собой очень худых людей. В узком коридоре перед гинекологическим кабинетом Татьяны Ивановны тоже стоял стол, из-за которого пациентки, особенно толстушки, не могли разойтись, постоянно натываясь друг на друга.

Утренняя рутина была давно расписана Татьяной Ивановной до мелочей. Мужчины протискивались за стол со стороны стены и чинно ждали, пока их обслужат, все положат, а затем все уберут. А Маша – девочка, так что Маша должна была сидеть рядом с мамой с внешней стороны стола и помогать ей обслуживать мужчин. Помогала она? Как бы не так! Вернее, как придется она помогала! А в последнее время все чаще убегала в холл – разговаривать с кем-нибудь по мобильному. Мама фыркала, требовала от дочери «поймать уже совесть», но Машка делала круглые глаза и шептала одними своими ярко-алыми губками:

– Это по работе!

– И что? – кипела и переливалась через край Татьяна Ивановна. – Что это за работа такая, ни минуты покоя. У женщины дом на первом месте! Все эти штучки – чистый феминизм!

«Феминизм» у Татьяны Ивановны тоже был словом ругательным. А для Маши, к сожалению, отчий дом не входил даже в топ-10, куда уж там первое место.

Забавно, кстати, что разделение обязанностей на мужские и женские в доме Кошкиных происходило неточно и неполно, так как когда дело доходило до забивания гвоздей, к примеру, Татьяна Ивановна, как правило, забивала их сама. Так, на всякий случай. А то еще попортят чего.

Папа иногда называл их дом приютом матриархата.

– Достань ложки! – скомандовала Татьяна Ивановна Маше, а сама пошла к плите, уверенная в том, что Маша услышала и исполнит ее приказ. Проблема была в том, что Маша в кухне отсутствовала, но Татьяна Ивановна так сосредоточилась на каше, что даже не заметила этого.

– Не хочу я есть! – воскликнул Сашка, сонно зевая.

– Что, успел слопать пряник? – с подозрением спросила мама, а Саша тут же отвернулся к окну. Затем перевел взгляд на мать и скорчил несчастное лицо.

– Отдай «лизуна».

– Коленку покажи, – ответила мать, игнорируя его вопрос.

– Нормально все.

– Покажи, я говорю.

– Хватит меня йодом поливать.

– Хватит коленки разбивать ежедневно, и я перестану.

– Не перестанешь. Тебе нравится людей пытать. Ты даже не дуешь, когда щиплет.

– Господи, да я тебе коленки мажу три раза в день. Должен был бы уже привыкнуть. Думаешь, если родители – врачи, можно вообще не следить, куда ты несешься на своем велике?

– Что за шум, а драки нету? – Голос отца, мужа, почетного врача и члена приемной комиссии медицинского института, и проч., и проч., и проч., а именно – Андрея Владимировича Кошкина – звучал весело и бодро. Он вошел в кухню и бочком, аккуратноенько просочился на свое место.

– Вот, Андрей, твой сын мне грубит! – воскликнула Татьяна Ивановна, возмущенно размешивая кашу в кастрюле.

– Что это он у тебя, как только грубит, сразу становится моим сыном? – усмехнулся Андрей Владимирович и уселся на свое место у стены.

– Это все ты, уговорил меня купить ему велик. Ну нет у него координации!

– У меня отличная координация! – возмутился Саша. – Я даже кросс-ап делаю, а его почти никто не делает.

– Кросс-ап? – Татьяна Ивановна отложила ложку. – Это что за напасть? Сломает он голову на этом велике. – И тут она перевела взгляд на мужа. Андрей Владимирович, хотя и излучал довольство и благой настрой, однако за столом сидел в шейном корсете, застегнутом сзади на липучку. – Ты чего в ошейнике-то с утра? Опять пятый позвонок? – нахмурилась мама, глядя, как ее муж стаскивает шейный корсет и кладет его рядом с тарелкой овсянки. Есть в шейном корсете очень неудобно – это они хорошо знали по опыту.

– Ага. Тянет.

– Ох ты ж горе луковое. Это все потому, что ты зарядку никогда не делаешь. Если бы ты зарядку делал, нам бы и в эти Вары ехать не пришлось. И на душ Шарко ты не пошел.

– Слушай, Танюш, не начинай, ладно? – попросил Андрей Владимирович. – Я сам доктор, я знаю, что мне нужно.

– Знаешь – но не делаешь. Тоже мне, спортивный доктор. Сам-то всех отправляешь в бассейны и на физкультуры, да?

– Я ходил на растяжки! – обиженно протянул муж.

– Лежал на кровати, ага, – Татьяна Ивановна кидала ему в тарелку кашу так, словно хотела ее за что-то наказать.

– А чего плохого в Варах? – миролюбиво переспросил отец.

– А чего хорошего? Вот и Маша не может поехать, как я должна ее тут бросить? Маша, а где она? Опять, что ли, ей позвонили?

Татьяна Ивановна бросила две тарелки с кашей на стол.

– Да не волнуйся ты, Татьяна. Она справится! – вступился отец. Как всегда, как всегда.

– Справится она... – В голосе мамы отчетливо слышалось недовольство, связанное главным образом с тем, что крыть ей было нечем. Чего бы ей, двадцатидвухлетней девице с блестящими от радости глазами, не справиться с тремя неделями полной свободы? – Цветы мне поливать не забывай, – строго бросила мама.

– Ну чего тут такого, а?

– Цветы мне загубит, – всплеснула руками Татьяна Ивановна. – Все забудет и перепутает.

– Забудешь тут. Ты ж ей десять инструкций оставила, – хмыкнул отец.

– Когда я уезжала на симпозиум, я просила ее поливать цветы, – ехидно заметила мама.

– Ой, не начинай.

– Я просто так, к слову. Герани еще выжили, а орхидея погибла. Так что мне теперь отчего-то не кажется, что инструкций окажется достаточно. Маша! Маша, где тебя носит? Завтрак остывает! Маша, мы же тебя ждем! – пробормотала Татьяна Ивановна с раздражением, но дочери так и не было. Пришлось идти за ней. Конечно, принцессам – персональное приглашение.

Татьяна Ивановна зашла в Машину комнату, но, к ее большому удивлению, Маши там не оказалось. Татьяна Ивановна огляделась по сторонам – в комнате дочери, как всегда, царил творческий беспорядок. Весь письменный стол был завален какими-то рисунками, созданными на компьютере. На взгляд Татьяны Ивановны, все они были одинаковыми, но она уже знала по опыту, что все эти дизайнерские эскизы – плоды долгих трудов, мельчайших изменений и поисков, которых она не могла (да и не хотела) понять.

Что это за профессия – дизайнер? Могла бы стать педиатром, стоматологом. Или, как мама, гинекологом. А это что?

– Маша, ты где? – крикнула Татьяна Ивановна, подняла с пола парочку блузок и светлых брюк. Видимо, забракованные дочкой вещи. Конечно, зачем идти на работу в приличных льняных брючках и милой шелковой блузке! Голые плечи – как раз то что надо для того, чтобы тебя принимали всерьез в архитектурном бюро. Впрочем, если ее там будут обижать и не ценить

по достоинству, даже лучше. Быстрее образумится. Правда, врачом уже все равно не станет. Эх, дети-дети. Училась ведь на одних пятерки. Нужно было отдавать в музыкалку. Тоже, между прочим, Андрюшка. Девочка рисует, у девочки талант! И что теперь? Чертит, где у кого в доме туалеты стоят будут!

– Маша! – прокричала Татьяна Ивановна и пошла к двери. Но стоило ей подойти к проему, как дверь внезапно распахнулась, чуть не ударив по плечу, и на пороге комнаты Татьяна Ивановна увидела Машу со злыми слезами на глазах и с какими-то крупными листами в руках.

– Он все испортил! Он... он...

– Да говори ты толком, – вспыхнула мама. – Не дури!

– Толком? – Маша шмыгнула носом и опустила взгляд вниз, на бумажки в руках. – Мой проект. Он его уничтожил. У меня совещание в двенадцать. Заказчик будет. Мы этот проект готовили месяц. Месяц! А этот мелкий хрящ все испортил за вечер. Какого хрена! Какого хрена он вообще его брал?

– Я ничего не понимаю. Саша! Подойди сюда, – крикнула мама, но результатом, и это было совершенно логично, стало то, что Саша даже не отозвался.

– А чего ты хочешь, чтобы он тебе сказал? Что он ни в чем не виноват?

– Деточка, да что такого? Ну не понимаю, почему нельзя распечатать новые листики?

– Почему? – Маша аккуратно перебрала листы с сияющими красками загородных пейзажей и красивых домиков. – Можно, конечно. Просто как? На нашем домашнем принтере? Черно-белые листы формата А4?

– Ну нет, завтра, – пробормотала мама. – На работе своей.

– Так я уже сделала! – продолжала негодовать Маша. – Это, между прочим, вообще-то, дорого. Листы дорогие, нестандартные, краска. С меня вычтут за это. – Тут Маша лукавила, никогда еще за дополнительную печать эскизов на дорогом широкоформатном принтере с них денег не брали. Но для пущего эффекта отчего бы не посетовать.

– А зачем ты вообще их привезла домой? – нахмурилась мама. – Если они такие дорогие.

– Зачем я... Что? Постой, ты так ставишь вопрос? – поразились Маша. – Я не верю своим ушам.

– Я не говорю, что Саша не виноват.

– О, поверь, он виноват! – вытаращилась Маша. – Я привезла эскизы с работы, чтобы подготовиться к презентации. Я все разложила! Какого черта! Они вообще лежали в моей комнате! Этот таракан взял их без спроса, залил каким-то дерьмом, измял и накалякал что-то на обороте.

– Маша, как ты выражаешься? Совсем сдурела? И вообще, не смей называть своего брата тараканом! – тут же уцепилась Татьяна Ивановна.

– Таракан! – крикнула Маша из чистой вредности.

– Не буди во мне зверя! – ответил Саша.

– Ха! Я хомячков не боюсь.

– Маша! Саша! Вы послушайте себя. Да никакая работа не стоит этого. Как ты не понимаешь! Вы – самые родные люди.

– Мы – самые родные люди, только я сейчас его укокошу! – И Маша развернулась, бросила бумаги на пол и побежала, уже не сдерживая ярости, на кухню. Мама вздохнула, услышав, как буря захлестнула островок семейного единения – кухню. Конечно! Зачем завтракать? Кому нужен прощальный завтрак?! Давайте все передеремся, а потом еще и поедем в Карловы Вары, будь они неладны. Начнем отдыхать!

Глава вторая

Говорливый свидетель

Это она из-за работы. И из-за того, что ее действительно не очень-то воспринимали всерьез и не так часто поручали настоящие проекты. Хотя у нее и красный диплом, и сертификаты разные по компьютерному дизайну и визуализации, и образцы работ, из-за которых ее, собственно говоря, и взяли в архитектурное бюро год назад.

Но всего этого, видимо, было недостаточно. Нужно снова и снова доказывать, что ты не верблюд, а очень даже талантливый дизайнер. Да, молодой, да, красивый. Да – девушка. И что? Это не значит, что тебе нельзя доверять серьезные проекты. Не вечно же баннерную рекламу и листовки делать. Маша очень много работала, чтобы все поняли: с ней можно и нужно иметь дела.

А еще – что ее можно пригласить на свидание.

Ой, что это она? О чем это она? Да о белом платье с голыми плечами.

Нет, действительно, у Маши сегодня в двенадцать часов было запланировано очень важное совещание. На нем будет, между прочим, не только их босс Борис Яковлевич Щучка, которого Маша за весь год так и не перестала бояться. Не только сам заказчик, которого они за глаза называли Доном Корлеоне, потому что, хоть он и был из респектабельного семейства с «заводами, газетами, пароходами», поговаривали, что в девяностые эта семья была похлеще итальянской мафии. Теперь же их холдинг строил грандиозный поселок для богатых где-то в лесах замкадовщины.

Главное, ГЛАВНОЕ – на совещании будет их главный архитектор, мужчина, при одном взгляде на которого сердце Маши билось сильнее. А если он еще и возвращал ей этот взгляд, то сердце Маши и вовсе переставало биться в эту секунду. И мир останавливался. И время замирало.

И так – каждый раз, когда Маше удавалось увидеть Роберта Левинского, их очаровательного, талантливого, даже гениального главного архитектора, по которому Маша вот уже год как сходила с ума.

Сегодня был день X. Сегодня вся Машина судьба могла измениться. Сегодня она могла показать на презентации свои эскизы рекламных плакатов этого загородного поселка. И тогда, если бы ей повезло, если все сложилось бы как надо и ее взгляд на проект был бы принят, она бы стала работать над этим заказом вместе с Робертом.

Вместе с Робертом!

И все это теперь оказалось на грани срыва из-за одного мелкого таракана, решившего, что он может уничтожить ее работу, потому что ему нужно нарисовать для друзей какой-то план велосипедных трюков.

Она буквально видела, как происходила эта катастрофа и крушение ее надежд. К ее братцу пришли такие же чокнутые, помешанные на великах мелкие тараканы, и они все вместе налили себе много-много стаканов с мерзким шоколадным молоком, которое они употребляют в неприличных количествах. Затем Сашка, паразит, зашел в ее комнату в поисках бумаги, увидел большие глянцевые листы с «какой-то ерундой» – о, в этот момент Маша была готова ему нос свернуть – и забрал их, даже не удосужившись спросить, что это такое. А затем они чиркали на обратной стороне листов, ставили на них чашки, проливали молоко, мяли, роняли на пол, а затем просто бросили за ненадобностью. Да, так все и было.

Маша бежала по улице, сжимала кулаки и думала о том, как ей не повезло с младшим братом. И самое обидное, все, что он смог ей сказать, – это предсказуемые:

– Я не знал, что они тебе еще нужны. Они валялись на столе.

– Они ЛЕЖАЛИ на МОЕМ рабочем столе, к которому ты никакого отношения не имешь!

Маша перебирала в памяти этот нелепый разговор. Ничего-ничего, все еще нормально. Она успеет, приедет на работу, распечатает все по новой, поправит прическу и макияж. Не стоило уж в самом деле вцепляться Сашке в волосы, но кто же знал, что он вцепится в ответ.

С мамой, конечно, вышло некрасиво. Она, наверное, обиделась ужасно. Плохо как попрощались. Маша так и вылетела, продолжая сыпать слова возмущения, как песок, набившийся в туфли. Она опаздывала, она не могла остаться, но можно же было как-то по-человечески. Можно подумать, Сашка впервые что-то подобное вытворил. А как насчет тех раз, когда он играл со своими друзьями на ее компьютере? Играл без разрешения и мог занести вирус. А сколько раз он у нее воровал ручки, дорогие специальные карандаши и фломастеры – просто так, чтобы что-то записать. Всего не перечесать. Накопилось.

Ну, накопилось, а мама-то тут при чем?

А при том, что она всегда его защищает. «Маша, ты не должна была оставлять бумаги прямо на столе. Нужна организованность. Положила бы в папки, пронумеровала бы и убрала бы в стол. Защити компьютер паролем. Не срывайся на младшем брате, ты же старше!» Бр-р.

Конечно, Маша знала, как мама относится к ее работе в бюро, к ее жизненным планам и к тому простому факту, что Маша решила самостоятельно выбирать путь в жизни. Самостоятельно – это самое большое ругательство в глазах мамы. Да что там, Татьяна Ивановна была создана, чтобы управлять людьми. Но Маша уже давно бунтовала против материнской власти.

Ну не хотела она быть врачом! Она хотела быть с Робертом! Мама знала, что главный архитектор очень нравился Маше, это было довольно сложно скрыть (хотя она и пыталась). Но что сказала бы мама, если бы узнала о том, что Маша планирует на эти три недели? Страшно подумать! Три недели. Три недели свободы!

Мама так и осталась стоять в холле с огорченным лицом, с кухонным полотенцем в руках, а рядом с ней стояли пузатые, надутые чемоданы. В тот момент Маше казалось, что все это ерунда, но теперь, при мысли, что уже сегодня вечером она придет домой, а там никого не будет, Маше становилось не по себе. Нехорошо они попрощались. Нехорошо. Маша уже чувствовала, как совесть колола где-то из-под солнечного сплетения. Но подчиняться этому чувству не хотелось.

«Я подумаю об этом завтра!»

Сейчас все, на что она должна тратить свою энергию, – достойное выступление на совещании. Ей просто необходимо порадовать Щучку и поразить до глубины души Роберта. Щучку порадовать красивыми рисунками, а Роберта – точеными загорелыми плечиками и платьем, специально выбранным для этого случая. У него самого плечи прямые, осанка гордая, держится всегда с достоинством – как будто потомственный баронет. Высокий и стройный, с тонкими чертами лица, чем-то похож на Олега Меньшикова, когда тот играл в «Статском советнике». Даже не внешне – общим впечатлением. Маша достала телефон из сумочки и зажала его в руке.

Влетев в метро, пристроилась к кучке студентов, явно стоявших напротив того места, где ожидалась дверь вагона. Проезжая по маршруту Сокольники – Китай-город каждый божий день, Маша могла рассчитать свой путь до секунды. Уже в вагоне она нашла в телефоне фотографию – единственную, что у нее была, с прошлого Нового года. То, что Роберт пришел на корпоративный вечер, было для всех сюрпризом. Левинский всегда держался особняком: занятой, погруженный в думы о своих грандиозных проектах. Никому не даются просто такие достижения. Их так много – а ведь ему всего двадцать шесть. Страшно подумать, чего он добьется к тридцати! Приходилось жертвовать развлечениями, в том числе и веселыми корпоративами. А тут вдруг решил остаться. Просто проходил мимо.

Маша тогда делала вид, что щелкает камерой телефона всех подряд, но на самом деле она улучила момент и сняла крупным планом его – Роберта. Он так и стоял у стены, не снимая тонкого пальто и длинного бежевого шарфа. Конечно, он не танцевал и почти не пил. Говорил, что не любит сладкие вина. Улыбался легко и иронично и все время порывался уехать домой. Но девчонки из бухгалтерии его не отпускали.

Только одна фотография удалась, и теперь, даже закрывая глаза, Маша могла припомнить ее в мельчайших деталях. На фотографии Роберт не улыбался, он выглядел немного усталым, его красивые глаза были грустны. Он смотрел куда-то пристально, задумчиво, и Маше каждый раз казалось, что смотрит он именно на нее.

Три недели – это двадцать один вечер. И каждый из них Маша может приглашать друзей к себе домой. Пригласить к себе Роберта. От этой мысли у Маши буквально перехватило дыхание, и она воровато огляделась, будто боялась, что пассажиры в вагоне могут прочесть ее мысли. Тогда, на празднике, Роберт подошел к ней, подал ей бокал с шампанским и поздравил с отличной работой. Она тогда с головой ушла в проект визуализации детских идей для научного проекта МГУ. Слайды, плакаты, трехмерные модели. Работать с детьми было интересно. Значит, он заметил. Или... просто сказал из вежливости.

Вежливость – его второе имя.

С того момента прошло уже полгода, Маша жила, сгорая от любви. И если на фотографию она могла смотреть все свое свободное время, то с самим Робертом они виделись только мельком. Никаких совместных проектов у них не было... пока. Пока что не было, говорила себе Маша и еще сильнее прижимала к сердцу сумочку. После сегодняшнего совещания все может поменяться, если ей передадут рекламный контент по поселку «Русское раздолье», главным архитектором которого является Роберт...

«Нужно нам как-нибудь поболтать, познакомиться поближе», – сказал он Маше тогда же, на празднике, и его серые глаза блеснули. Но познакомиться поближе не вышло. Он, наверное, и думать забыл об этом разговоре, но Маша – нет, не забыла. Она думала о нем чуть ли не каждый день, ведь он был где-то рядом, с другой стороны стеклянной двери в его кабинет. Но, конечно, о ее чувствах не знал никто. Ни мама, ни папа, ни даже Машин хороший друг Степа, ее одноклассник, а сейчас программист из их бюро – он-то как раз и выхлопотал в свое время Маше место стажера. Не так-то легко выпускнице факультета графики и дизайна заполучить место в престижном архитектурном бюро.

Маша влетела в офис с пятиминутным опозданием – результат утренних препирательств с противным младшим братом. Она воровато огляделась, прикидывая, кого она опередила, а кто еще принесется ей вослед. Просторное помещение с высоченными, уходящими в небо потолками казалось почти пустым.

Хорошо. Но важно было понять, здесь ли Борис Яковлевич Щучка. Их босс был человеком редких душевных качеств – гестапо сокрушалось бы от того, что он в нем не работает. Среднего роста, крепкого телосложения; у него было широкое лицо, сияющее фальшивым счастьем. Все, кто знал его хоть немного, боялись его «улыбки Чикатило», которая никогда не сулила ничего хорошего. Щучка умел улыбаться только нижней частью лица, а взгляд пронызывал собеседника азотным холодом. Однажды Щучка встретил одного из их дизайнеров не только улыбкой, но и широкими объятиями. Не то чтобы он на самом деле его обнял, но он увидел дизайнера, улыбнулся, раскинул руки и закричал:

– Ба, какие люди!

Надо ли говорить, что к обеду дизайнера уволили с волчьим билетом. К сожалению, в архитектурных кругах Борис Яковлевич был человеком известным и уважаемым, и с его мнением считались.

Маша пролетела через коридор, по пути прикидывая, в каком порядке ей нужно распечатывать листы. Мелкий таракан все спутал, и теперь Маша пыталась вспомнить и порядок

работ, и красивую стройную речь, которую она приготовила и заучила. Мысли рассыпались, волнение брало свое. В зале почти никого не было, только уборщица начищала паркет. Видать, дизайнеры поразбежались на объекты.

Их офис располагался в самом центре города, занимал целый мансардный этаж старой фабрики, и урбанистический дизайн выигрышно подчеркивал вкус и мастерство людей, работающих тут. Стеклопанная крыша вместо потолка наполняла помещение воздухом и светом. Однако была и проблема. Просторный зал просматривался с миллиона разных точек. Фактически он на двух уровнях был окружен кабинетами со стеклянными дверями. Из-за перил второго уровня, сверху, весь их муравейник вообще был как на ладони.

– Машка, ты чего такая мутная? – Голос раздался почти рядом и так неожиданно, что Маша подпрыгнула и охнула. Это был Степка. Очкастый и лохматый, похожий на черепаху Тортилу, он стоял под лестницей, идущей на второй этаж, и держал в руках какой-то странный металлический ящик с проводами.

– Вот черт! Напугал.

– Говорили мне, что нужно начинать бриться... – усмехнулся Степка.

– Это что ж такое? – усмехнулась Маша. – Бомба?

– Ага, бомба. Давно пора разнести все тут к чертовой матери. Вот только забыл, куда тротил положил.

– Степан!

– Щучка велел установить дополнительный сервер. Куда вы только память девааете? Лопаете ее терабайтами!

– У нас файлы большие, графические, – обиделась Маша, ибо это был стародавний, испокон веков шедший между дизайнерами и сисадминами конфликт. Каждая сторона считала членов другой бездельниками и дармоедами. Взаимопонимания между ними было – кот наплакал.

– Вы бы хоть изредка хоть что-то стирали, а? Есть же такая кнопка, «del» называется. Нет? Не слышали? – Степка возмущенно покачал головой и только потом обратил внимание на Машину платье: – Что, Золушка, на бал собралась? Туфельки не дать? У меня в серверной как раз кеды завалялись.

– Иди ты в баню, фея! – отмахнулась Маша. – Жарко на улице, не заметил?

– Так ты приходи совсем голой. С твоей-то фигурой... У тебя тогда, может, карьера в гору пойдет! – предложил Степка с невозмутимым видом.

– Лучше скажи, Щучка здесь?

– Выдохни уже, Золушка, Щучка ушел в кафе кофе пить. Весь наш высосал, теперь пошел осушать «Шоколадницу». Я вообще не понимаю, как от такого количества кофеина он по потолку не бежит.

– Он бежит, просто так быстро, что ты увидеть его не успеваешь. Слушай, ты мне включи широкоформатник, ладно? – подкатила Маша.

– Опять? Вашими картинками можно Красную площадь застелить, – вздохнул Степка, воспринимавший утрату дорогой бумаги крупного формата как собственную потерю, потому что закупка новых тяжелых пачек почему-то тоже была введена в его обязанности.

– У меня сегодня день X, – пожаловалась Маша.

– И ты в белом? Веришь рекламе, наивный ребенок? – осклабился Степка.

– Фу! Твой цинизм не знает никаких рамок. Советование у нас. По «Русскому раздолью».

– Будете разрушать?

– А как же, – хмыкнула Маша. – До основания, а затем... В общем, нужно распечатать кое-что.

– То-то я смотрю, Роберт уже с утра здесь торчит. А может, и с вечера. Значит, небось и сам Корлеоне придет? – Степка так глубоко задумался, что чуть не выронил свой спрутоподобный ящик.

– Он здесь? – загорелась Маша, но тут же притушила радость. Но Степка в своих попытках прикинуть, насколько сложным будет сегодняшний день, ничего не заметил.

– Кто? Корлеоне? Откуда я знаю. Я же не старушка из справочной! Ладно, я пойду, убьюсь головой о ваши серверы. Может, после моей жертвы вы перестанете архивировать весь мир, а?

– Не перестанем, – заверила его Маша.

– Да я и не надеюсь. Слушай, Машка, мы в кино в выходные идем. Можем и тебя с собой взять. Пойдешь?

– Не знаю. – Маша покачала головой и пошла сквозь открытое пространство их общего рабочего зала к своему столу.

– Пошли. Хоббиты – они маленькие, у них волосатые ноги и уши, они едят морковь. Разве можно устоять перед этим?

– Степка, я, может, все выходные работать буду. У меня сейчас знаешь...

– Знаю, – вздохнул тот. – Я пойду.

– Иди, Степа, иди, – кивнула Маша, глядя ему вслед. Везет же людям. Свой кабинет! Серверная, хоть и была маленькой и заставленной всяким хламом, НО! – была отдельной, в отличие от рабочих мест рядовых дизайнеров. Кабинеты полагались только элите: начальству, архитекторам на больших проектах, главному бухгалтеру и, конечно же, Роберту – их звезде. Немыслимая роскошь, огромная привилегия, которой Степка пользовался только потому, что Щучка, при всем его уме и опыте руководителя, про сети и интернет ничего не знал и панически боялся того, что они (сети) могут рухнуть. Степка его в этом страхе держал умело.

Маша вздохнула, осмотрела пустое помещение – даже уборщица ушла. Хорошо, когда так тихо. Она нажала кнопку на системном блоке своего компьютера и, пока тот загружался, Маша как бы невзначай бросила короткий взгляд – всего на секундочку – на стеклянную дверь, ведущую в кабинет Роберта. Маленькие невинные радости, помогающие продраťся сквозь рутину рабочего дня. И вдруг...

Словно по мановению волшебной палочки, дверь открылась, и в рабочий зал вышел сам Роберт. Почувствовал? Маша вздрогнула и покраснела. Проклятая особенность ее организма все время краснеть в самых ненужных моментах. Если что, можно сослаться на жару. Впрочем, может, еще и не заметит. Вот он идет, ни на кого не смотрит, прямо через просторный зал – спокойно, размеренно и без спешки. Как всегда, неотразим в столь традиционных для него классических вещах: светло-голубой рубашке с коротким рукавом, красивых, точно по фигуре, бежевых брюках и коричневых штиблетах. Роберт всегда выглядел так, словно только что сошел с самолета, прилетевшего откуда-нибудь из Лондона.

Маше нравилось в нем *все*. И спокойный голос, и грамотная, такая редкая сегодня, речь, выдававшая хорошее образование и воспитание. Он бы никогда не сказал, что Маша «мутная». Она так загляделась, что не успела заметить, что Роберт тоже смотрит на нее. Больше того – он остановился и улыбается.

О господи!

Да она оцепенела под этим взглядом, чуть удивленным поначалу, а потом озорным, задорным. Понял? Какой кошмар! Маша резко отвернулась, бросилась к столу в поисках хоть чего-нибудь, пригодного для имитации бурной деятельности, но Роберт уже шел прямо к ней. Несколько шагов, всего доля мгновения – и он тут, он рядом. О боже! Придумай что-то. Не веди себя как идиотка! Не молчи. Скажи слово. Скажи ему «привет». Но Роберт опередил ее.

– Маша! – воскликнул Роберт, улыбаясь. – Вы сегодня совершенно очаровательны!

– Вы считаете? – Маша чувствовала, что краснеет еще больше. Нелепость какая! Синьорита помидорка. А Роберт – надо же – держится совершенно естественно и спокойно, сохраняет естественный цвет лица даже на такой жаре. Впрочем, помещение-то кондиционировано. О, эта его улыбка! Эти губы... Остановись, Маша, стоп!

– Маша? Ау! Что это вы сегодня такая задумчивая?

– Я? Да нет, я не задумчивая, – пробормотала она, мало отдавая себе отчет в том, что несет.

– Нет? – улыбнулся еще шире Роберт. – Ну, значит, мне показалось.

– Нет. Не показалось. На самом деле... я волнуюсь из-за совещания. – Наконец-то членораздельная речь.

– И зря. – Роберт покачал головой. – У вас всегда все получается.

– Вы правда так считаете? – Маша ахнула, а Роберт предпочел на это ничего не отвечать.

– А я как раз думал о вас. Знаете, то, что вы уже здесь, просто отлично. Я ожидал вас только к обеду.

– Вы шутите? Чтобы Шу... чтобы Борис Яковлевич меня убил? – И улыбка естественным образом осветила Машино лицо. Роберт кивнул с пониманием.

– Вы большая молодец, Маша. Ничего не бойтесь и верьте в себя.

– Спасибо, конечно, но вы ведь просто хотите меня подбодрить. – Маша моментально растаяла. Да, ради этого стоило перерисовывать одни и те же эскизы по десять раз.

– О чем вы говорите? – улыбнулся он, и глаза его хитро блеснули. – Какие могут быть сомнения в моей искренности! Чем я заслужил недоверие? Вы буквально разбиваете мне сердце. А я-то надеялся, что между нами есть... взаимопонимание.

– Конечно, есть. Оно есть! – растерялась Маша. Все ее сенсоры буквально разрывались от срочного сообщения. Кажется, Роберт с нею... флиртует? Возможно ли такое в принципе?

– Вот и отлично. Увидимся на совещании. – И тут он положил руку на Машино плечо.

Маша даже не сразу поняла, что произошло, она только почувствовала, что стало еще жарче, уже никакие кондиционеры не помогали – ее практически затрясло. Роберт стоял очень близко, но не так, чтобы эта близость могла бы кому-то показаться неприличной. Одна секунда, вторая, третья – всего-навсего мгновения, но она чувствовала его теплую ладонь на своем плече. Что это такое?

Он просто похлопал ее по плечу.

Именно так, и не больше. Ободряющий жест, вполне обычный для хорошего знакомого, с которым ты вместе работаешь уже год. В которого ты влюблена. Нет, это не имеет к делу никакого отношения. К тому же момент прошел, Роберт кивнул Маше и убрал руку. Все ее силы ушли на то, чтобы удержаться и не выдать бурю, охватившую ее изнутри. Это было как удар током, как короткое замыкание. Да! Платье работает. Ура! Взаимопонимание.

Маша огляделась и увидела, как стройная высокая фигура исчезает в коридоре. Роберт, оказывается, уже ушел.

Господи! Прошло несколько секунд, прежде чем мир стал снова обретать привычные контуры. Маша стояла посреди зала совершенно одна, глубоко дышала и пыталась привести разбушевавшиеся гормоны в норму. Но вместо этого она снова и снова вспоминала этот теплый обнадеживающий взгляд, это прикосновение, эти короткие мгновения, и теплые волны счастья подкатывали к ее сердцу.

Именно в этот момент она вдруг увидела ЕГО. Черта с два она была одна! Какой-то незнакомый мужчина стоял под лестницей, в глубине коридора, уходящего в сторону серверной, и с интересом смотрел на Машу. Мужчина неясно улыбался. Машу словно окатили ведром ледяной воды, и улыбка сползла с ее лица.

– Вы кто? Кто вам нужен?

– Ничего себе! – ухмыльнулся мужчина, не двигаясь с места. – А с ним вы не были такой невежливой.

– Вам назначено? – Маша почувствовала, как к горлу подкатывает раздражение. Хотя злиться нужно было прежде всего на саму себя. Распустилась, стоит тут, улыбается, как дура, показывает чувства. Забыла, что этот офисный террариум отлично проглядывается с любой стороны. Это небезопасно. Это может испортить репутацию. Ей? Да, конечно. Роберту?

– Мне времени назначать не надо, – заявил вдруг мужчина, сделав несколько шагов вперед. Он был заметно старше Роберта и чуть заметно прихрамывал, что делало его еще старше, но впечатление это было обманчивым. Если взглянуть в черты его лица, то становилось ясно: ему было, скорее всего, слегка за тридцать. Маша обратила внимание на напряженное энергичное лицо, на властный взгляд этого человека. Она уже догадалась, что он не из простых посетителей. Вряд ли пришел, чтобы проконсультироваться относительно рекламной кампании новой продукции йогуртовой фабрики.

Самоуверенный, сукин сын, лохотрон, подумала Маша. Хотя мужчина ничего не сделал, чтобы выглядеть презентабельно: был небрит, одет просто, без затей. Светлые джинсы, какая-то тонкая бежевая водолазка-размахайка, выбранная явно за удобство. На запястье – часы с кожаным ремешком. Руки большие, ладони широкие. Сильный, мускулистый мужчина. Наверное, в качалку ходит. Может, там и ногу повредил, и теперь хромота. Маша придумывала самые разные версии относительно его хромоты, когда заметила, что незнакомец правой рукой взялся за подбородок и теперь смотрел на Машу изучающе и насмешливо.

– Смазливый парень! – бросил он ей. Голос звучал негромко, но вполне слышно.

– Что? Какой парень? – побледнела Маша.

– Я говорю, смазливый этот парень, который был тут с вами. Ваш кавалер. – Маша ушам своим не могла поверить, что этот чертов незнакомец говорит ей такое. Мало того, что он все видел, так еще не собирается делать вид, что ничего не произошло. И ведь, что обидно, ничего и не произошло!

– Это... это просто коллега, – пробормотала Маша, оглядевшись в поисках повода, чтобы сбежать от неприятного визитера и его еще более неприятной пронизательности. И он, кажется, прекрасно понял это.

– Да-да, коллега. Я понимаю. – Он сказал это так, что захотелось его стукнуть. Затем мужчина покачал головой, словно упрекая Машу во лжи. Двумя ладонями зачесал волосы назад, открыв высокий лоб.

– Да что вы понимаете? И вообще, это не ваше дело. Да мне некогда с вами разговаривать! – отвернулась Маша. – Мне надо работать.

– Ну конечно, – с комичной серьезностью согласился мужчина, но все равно не ушел. – А это у вас такой дресс-код?

– Что? – Маша вытаращилась и почувствовала невероятное бешенство. – Да как вы смеете?

Незнакомец вдруг улыбнулся во весь белозубый рот и расхохотался в голос. Маша не знала, как реагировать на это, но ему, кажется, и не надо было никакой реакции.

– Уж простите меня, я так устал видеть всех в этих омерзительных деловых костюмах. Я и сам в них себя чувствую как в чехле каком-то. И вдруг вы – в совершенно нормальном девичьем платье. Удивительно!

– Жара! – Маша прокляла открытые плечи. Степка заметил, Роберт тоже (это хорошо), теперь еще и этот треклятый незнакомец. Теперь Маша была уверена, что надеть белое платье было плохой идеей. Неизвестно еще, что скажет Щучка. Да он, наверное, ей выговор влепит за несоблюдение деловой этики.

– Вы правы. Это все жара. Ладно, многоуважаемая девушка в белом, я так понимаю, мне придется обратиться к кому-то другому.

– Да, придется! – ответила Маша с вызовом, да еще и подцепила какие-то бумаги и принялась смотреть в них, хотя это и были просто старые черновики.

– Потому что вы так заняты! – Он акцентировал «вы так заняты», и Маша с трудом подавила желание швырнуть в него бумаги, но незнакомец уверенно проследовал по офису, словно знал его вдоль и поперек. Легкая хромота не мешала ему сохранять самоуверенный вид.

– Именно! – бросила Маша ему вслед и даже ехидно подумала, что стоит вызвать охрану. Чего это тут по офису шатаются всякие высокие хромые граждане с цепким взглядом и ухмылками? Но, с другой стороны, до совещания оставалось все меньше времени, а у нее еще конь не валялся. Маша опустила в свое рабочее кресло. С экрана на нее смотрели кошачьи глаза. Когда становилось совсем невмоготу, Маша принималась рассматривать фотографии каких-нибудь милых и смешных котиков в интернете. Некоторые из них приживались у нее на «рабочем столе». Эти экранные котики были вместо любимого домашнего животного. Завести кошку или собаку «в реале» ни за что бы не позволила Машина мама.

Она бы убила.

Это одна из самых частых фраз, которые появлялись в Машиной голове, когда она думала о своей матери. Прекрасный человек, заботливая жена, талантливый врач, она была для Маши примером того, чем она никак не могла стать. Одни глупости в голове. И котики.

– Ничего не понимаю! – воскликнула Маша, приблизив лицо к экрану с котиком. Кому она это сказала, совершенно непонятно, ибо рядом не было никого – даже незнакомец куда-то ушел. Между тем, несмотря на жару и пережитое волнение, Маша неожиданно и заметно побледнела. Она принялась бить по клавиатуре, открывая одно окно за другим, – и все они появлялись пред нею пустыми. – Невозможно! Этого просто не может быть!

Глава третья

Потеря потерь

Мама всегда говорила, что для любого человека самое важное – никогда не терять уважения к себе. В любой ситуации надо вести себя достойно и сохранять человеческое лицо. Это подразумевало, что стучать по компьютеру кулаком, всхлипывать и тихо материться значило вести себя недостойно и потерять человеческое лицо. Что ж, именно это и случилось с Марией Андреевной Кошкиной, когда она окончательно убедилась, что все файлы по ее проекту из ее компьютера исчезли. Не просто исчезли – ощущение было такое, будто их никогда там и не было.

Мир словно раздвинул свои границы и оставил Машу висящей в пустоте и одиночестве – только она и компьютер с кошачьим лицом.

– Папка так и называлась: «Русское раздолье». Но не могла же она просто исчезнуть? – Маша перегружала компьютер в третий раз, и каждый раз эта процедура занимала значительно больше времени, чем всегда. Обычные штучки: когда с тобой происходит что-то плохое, время начинает течь куда медленнее. Проверено на пробках и зубных врачах. Результат перезагрузок каждый раз оставался тем же самым – папка пропала.

Мало того – папка, даже на почтовом сервере Маши исчезли все ее письма за последний месяц. Как корова языком. Бред! Параллельная вселенная. Маша судорожно копалась в компьютере, даже зашла в корпоративную почту со своего смартфона – с тем же результатом. Письма вроде значились в ящике, да только когда Маша нажимала на «иконку», выплывало сообщение «письмо не найдено на сервере».

Только через полчаса безуспешных попыток найти черную кошку в темной бездне компьютера Маша признала страшный и ошеломительный факт: файлов действительно нет. Она вскочила и побежала в серверную, ее трясло от ненормальной дозы адреналина, а где-то внутри уже рождалась надежда на то, что это все связано с ящиком-спрутом, который держал в своих пухленьких руках Степка. Может быть, он перебросил все файлы со старого сервера на новый?

Может быть, у этой проблемы все же есть какое-то решение и труд трех месяцев не исчез вот так, за один миг?

– Стоп, стоп, стоп, говори помедленнее! – Степка выставил вперед обе руки и попытался остановить Машу, чтобы она не наломала дров в его королевстве. – Я тебя не понимаю. Какие файлы?

– Все! Все файлы и письма!

– У тебя что, все файлы пропали? Вообще все? А ты в последнее время никуда не заходила?

– В кафе я заходила, – пожала плечами Маша. – Кофе выпила.

– О господи! Маша! В интернете ты никуда не заходила? То, что ты описываешь, похоже на вирус. Дай я посмотрю. – И Степка подсел к одному из нескольких запыленных мониторов. Он отложил джойстик в сторону и раскрыл сетевой каталог, объединяющий всю их систему в единый живой организм. Каждый компьютер имел свое место, статус и положение в их общей иерархии. К примеру, Щучкин компьютер хоть и был виден в сети, но доступа к нему не было даже у Степки. Нужно было вводить дополнительные пароли. Впрочем, не очень-то и хотелось.

– А как же мог вирус проникнуть? Ведь у нас антивирусник?! – развела руками Маша. – Неужели ничего нельзя сделать? Я не переживу. Я просто не смогу все это повторить. Там же все...

– Постой, вот же файлы, – вмешался Степка. Маша бросилась вперед, чуть не опрокинув чашку с крепким холодным чаем, который Степка постоянно цедил и время от времени обновлял – по мере необходимости.

– Где? Покажи?! А почему они у меня не отображаются? – Маша прошерстила взглядом экран.

– Потому что у тебя за твоими котиками вообще ничего не видно, – хмыкнул Степка, но Маша вдруг хлопнула рукой по его компьютеру – самому, между прочим, любимому, и Степан повысил голос: – Ошалела, да?

– Это не те файлы! – крикнула Маша зло. – Чего ты мне показываешь? Это старые проекты.

– Ты сказала – не осталось никаких файлов. А тут – море файлов. И в почте тоже. На чемодан, гигабайт файлов. Ты же не уточняла каких. Ты, знаешь, выражайся яснее, – бубнил Степка, пока Маша лихорадочно открывала папки. – И поосторожнее, а то у меня тут тоже все сотрешь. Так что пропало-то?

– Господи, я пропала! Понимаешь ты, а?

– Ты пропала? – опешил Степка. – Тут архиватор бессилён.

– Весь проект. Сегодняшнее совещание! Ты понимаешь, что меня уволят! – Теперь Маша выглядела совсем не так, как всего час назад. Растрепанные волосы, заплаканные глаза, дрожащие руки. На белоснежном платье – пятно, от чего – неизвестно, но явно от чего-то тут в серверной поставленного. Помаду Маша от нервов давно съела. Степа посмотрел на Машины сжатые кулаки и огорченно замотал головой. Он давным-давно уже не видел Машу такой. Последний раз – когда они заканчивали школу и Машу чуть было не лишили золотой медали. Училка-химичка невзлюбила Машу, устроила ей показательную порку, а именно – персональную контрольную, где было сто вопросов по всему курсу химии. Маша ответила на девяносто восемь, а та стерва возьми да и влепи четверку. Тогда Маша была вот такой же – на пугало похожей. Потом, правда, Татьяна Ивановна сходила в школу и «просто поговорила» с химичкой. Уж кто знает, что именно Татьяна Ивановна сказала, но та результаты этой липовой контрольной отозвала, и медаль Маша получила.

Татьяну Ивановну боялись все, кроме ее пациентов. Пациенты ее обожали.

– Слушай, не нагнетай. Не стоит таких волнений, – попытался успокоить ее Степа. – Может, тебе чайку?

– Совещание – через час!

– Мы найдем твои файлы, – пообещал Степка, но голос его звучал неуверенно. Однако даже этого было достаточно, чтобы огонь надежды загорелся в девичьих глазах. – Какие именно хоть пропали?

– Да все! Папка целая. Все рабочие материалы, графика, рисунки. У меня дома были распечатанные варианты, так и их братец испоганил.

– А это идея. Ты работала дома? Ты дома их сохраняла? – Степа нервно чертил линию от одного угла серверной до другого. На все уходило пять секунд в одну сторону, пять в другую.

– А что?

– Мы можем попробовать достучаться до твоего домашнего компьютера дистанционно. У тебя брат дома?

– Они уехали в санаторий, – покачала головой Маша. – Да к тому же дома я тоже заходила на сервер и работала с нашими файлами. Я не загружала их на свой диск, работала в «облаке».

– Не скачивала? – грустно уточнил Степка.

– Нет. – Маша вдруг затряслась, и Степка понял, что ее глаза снова наполнились слезами. – Я не хотела путать файлы. Знаешь, как нам трудно отслеживать изменения. Вот я и хранила все на серверах фирмы. Думала, так будет проще. И документы в порядке.

– Ну тише, тише, тише, – только и придумал что сказать Степа. Маша уселась на его стул и уронила лицо в ладони. Она замолчала, и это молчание было хуже, чем ее плач. Степа аккуратно взял Машу за плечи и откатил от компьютера в сторону вместе со стулом. Затем он принялся колдовать над техникой. Когда Степа работал за компьютером, он был похож на сумасшедшего пианиста, увлеченного музыкой. Его руки взлетали и опускались, он то бросался вперед, то отскакивал назад и кривился, словно от боли.

– Ты вчера тут была? – спросил он.

– Конечно, была. Я работала почти до ночи. Мама мне потом знаешь какую истерику устроила! Последний вечер, я остаюсь одна, мне нужно дать миллион инструкций, а меня нет. Я еле отбилась...

– Маш, ты не могла сама случайно стереть файлы с сервера? – аккуратно спросил Степа. Реакция была ожидаемой: ядерный взрыв. Маша встала со стула, отряхнула платье, подняла заплаканные глаза на Степу и просто несколько мгновений помолчала. Степка знал – лучше бы она орала. А так еще секунда, и она развернется, уйдет и обидится навечно.

– Ничего не нашел? – спросила она, приложив все усилия, чтобы сдержать эмоции. Степа посерьезнел и мотнул головой. Он потер подбородок.

– Я еще не все посмотрел. Но есть хорошая новость и плохая. С какой начать?

– Думаешь, это смешно? – едва проронила Маша ледяным тоном. Степа откашлялся и снова уставился в компьютерный экран.

– Просто в журнале действий...

– Что в журнале действий?

– Вот запись. Написано, что вчера в восемь вечера с небольшим... папка была стерта.

– Что? – ахнула Маша, вглядываясь в маленькие строчки на экране, словно надеясь найти там ответы. – Не может быть. Я ничего не стирала.

– В восемь вечера ты же была тут? – спросил Степа осторожно. И на всякий случай отставил подальше чашку с чаем.

– Да, я была тут, и что? Ты во мне сомневаешься, Степочка? – пробормотала Маша мертвенно-тихим голосом.

– Нет-нет, что ты! – Степа поднял руки вверх. – Просто мне кажется это довольно важным – что ты была тут.

– И что, там написано, что я сама стерла файл?

– Там написано, что файл стерт, – грустно кивнул Степа. – Конечно, это не обязательно значит, что это была именно ты. Это даже не обязательно означает, что файл был стерт именно тут, в офисе. С другой стороны, у тебя ведь доступ под паролем, верно? Может быть... а твой брат не знает пароль доступа к твоему пользователю?

– Нет, не знает. Я его даже к компьютеру не подпускаю. А уж чтобы он зашел на сервер фирмы, да через специальную программу, да ввел пароль и стер все мои файлы...

– Не все. Только одну папку.

– Все нужные файлы. – В голосе Маши зазвучал металл. – Знаешь, сколько у меня папок в компьютере? Миллион и маленькая тележка. Они в разных каталогах, у них – своя структура, свои обозначения, которые знаю только я. Не кажется тебе, что это слишком невероятно?

– Но если ты их не стерла, тогда что? Кара божья?

– Ага, карма. А что, если это вообще был ты?

– Я?

– Ты, Степа, – кивнула Маша. – У тебя-то ко всему доступ есть. Вот ты чай тут пьешь, я видела, как ты бутерброд на клавиатуру клал.

– Ты считаешь, что я бутербродом стер все твои файлы? – возмущенно воскликнул Степан.

– Не все, а только «Русское раздолье» чертово, над которым я три месяца работала! – взывала Маша. – Я не знаю! Просто не знаю, что и думать! И знаешь, что самое обидное? Что времени думать у меня вообще почти не осталось.

– Только не паникуй, Машка. Что-нибудь придумаем.

– Если ты не придумаешь сейчас с десятков гигабайтов графических файлов с картинками и чертежами, то мне останется только собирать вещи. Щучка выкинет меня в три счета. Думаешь, он станет слушать весь этот бред про карму?

– Да уж, Хьюстон, у тебя проблемы, – согласился наконец Степа. И повисла тяжелая, как топор, пауза.

– Слушай, а восстановить файлы нельзя? – прошептала Маша, глядя на круглые часы на стене. – Ведь ты ж программист, ты все можешь. Может быть, они не до конца удалились, а? Может, там где-то они еще лежат в какой-нибудь корзинке? Я не знаю, вот я когда в телефоне фотки удаляю, они все равно какое-то время торчат среди «недавно удаленных». Ведь ты говоришь, все случилось только вчера?

– Ты понимаешь, что это не могло произойти случайно? Не бывает таких случайностей. И вирусы такие еще не написали, чтобы именно твой последний проект слопать.

– Ты к чему клонишь, подлец? Что я сама их постирала?

– Ну... самое рациональное объяснение обычно и есть правда. Ты вчера не пила, а? У тебя вроде родаки уехали?

– Я ничего не удаляла! – чуть ли не взвизгнула Маша, с трудом подавив желание стукнуть Степу его же чашкой. Тот вздохнул и покачал головой.

– Хорошо, но кто-то же удалил файлы, а затем удалил их из корзины. И та же история с почтой. Ты никогда не видела надписи, когда удаляла файлы, «файлы будут удалены без возможности восстановления»? – язвительно переспросил Степа. – Может, не стоит нажимать на кнопку «окей», пока не прочитала всех предупреждений? Может, их не просто так люди писали?

– Ну тебя, Степка.

– Дай мне хоть какое-то время, – пробормотал он. Но время текло неумолимо.

– Что мне делать, Степа? До совещания осталось, я не знаю... – Маша не сводила взгляда с часов. – Пятнадцать минут?

– Может, позвонить Щучке, перенести совещание? Объяснить ситуацию? – предложил Степа, хотя по его лицу было видно, что он и сам не верит в то, что этот поворот действительно возможен. Объяснить что-то Щучке, а тем более попросить его о чем-нибудь...

– С таким же успехом можно идти и копать себе могилу, – бросила Маша. – А я ведь так много сделала для этого чертового проекта! Это так несправедливо! Я совсем не хочу быть похоронена под табличкой «Она не умела нажимать кнопку сохранения».

– Я буду приносить тебе цветы, – пообещал Степа с сочувствием, за что тут же получил подзатыльник. Не слишком сильный, но все же «огреб», как говорится.

– Не приноси мне мертвые цветы, лучше посади их на моей могилке. Полукругом – синие васильки, желтые нарциссы. А лучше – сделай альпийскую горку.

– Сделаю, – кивнул Степа. Маша огляделась, скользнула взглядом по комнате, где они со Степкой столько раз прятались от начальства, лазили в сети, играли в «ГТА»¹... Хорошо, когда у тебя на работе друг – системный администратор.

Хорошо, когда у тебя есть работа!

– Я пойду, мне надо готовиться. Только бы Роберт был на месте, – пробормотала Маша и встала. Пятно на подоле белого платья раздражало и забирало последние остатки уверенности в себе, но переодеваться было не во что и некогда. Придется идти умирать в белом.

¹ «ГТА» (от англ. GTA – Grand Theft Auto) – компьютерная игра об автоугонщиках и их преследователях.

– Может, сбежать? – предложил Степа, когда Маша открыла дверь на выход.

– Нужно уметь, когда придет время, посмотреть в глаза людям, целящимся в тебя из «беретты».

– Да ты оптимистка!

– Результат расстрела все равно не изменится, но память о тебе будет другой, – пробормотала Маша, невольно повторяя фразу своего отца. Правда, он обычно это говорил, когда ему нужно было идти и в чем-нибудь признаваться маме.

Маша вышла из серверной, глядя в пустоту перед собой. Однажды она видела, как Щучка увольнял одного дизайнера. Это было страшно, унижительно. Щучке же доставляло своеобразное удовольствие. Маша постаралась не думать, что она станет делать со своей жизнью, если ее уволят.

Не если, а когда!

Господи, вся ее жизнь – в этой работе. Даже личная жизнь – и та была здесь, в кабинете за стеклянной дверью. Самое обидное, что вряд ли ей когда-нибудь удастся узнать, как же так, что же произошло! Может быть, она и вправду впала в какое-нибудь забытие и вытерла собственную многомесячную работу, а затем еще подвела мышку к значку корзины и бессознательно удалила содержимое корзины?

Любой психолог бы сказал, что Маша подсознательно не хотела этого проекта, его ответственности и связанных с ним возможностей. Но это было не так. Она хотела! Психологи порой просто идиоты, набитые штампами и фантазиями. Уж лучше думать, что у нее было временное помешательство на почве любви!

Маша распрямила плечи, откинула длинные блестящие каштановые волосы на спину и пошла навстречу судьбе. Она пересекла длинный коридор, стены которого были увешаны фотографиями уже исполненных ими работ. Как часто она пробегала тут, даже не обращая внимания на стены... Всегда казалось, что для этого будет еще море времени. Вот работа целой группы дизайнеров и архитекторов по проектированию нового музея изобразительных искусств в Ярославле. Маша не участвовала, она еще не работала тогда на фирме, только заканчивала институт. А вот ансамбль из нескольких офисных зданий, они уже построены на Бережковской набережной. Рабочую группу возглавлял Роберт. Говорят, тендер от заказчика тогда удалось выиграть только благодаря тому, что Левинский гениально вписал здания в существующий архитектурный ансамбль исторического места. Это был проект, за который в прошлом году Роберт получил приз в Берлине. Статуэтка стояла у Роберта в кабинете, и Маша знала, что он очень этой наградой гордился. У него были и до этого какие-то поощрения, но международная – первая.

В просторном холле уже вовсю шла работа, появились люди – секретари Людмила Михайловна и Жанна. Людмила Михайловна была мать-земля, а Жанна – длинноногая красотка с прекрасным английским – их личная офисная женщина-вамп. У Людмилы Михайловны в столе лежали кучи схем для вязания спицами. Жанна выглядела так, что мужчины, приходившие в офис, буквально падали и сами в штабеля укладывались. Людмилу Михайловну все любили за то, что она постоянно приносила из дома домашние пирожки, а Жанну уважали за аккуратность, за грамотные профессиональные консультации, которые она давала по телефону. С завидной регулярностью Людмила Михайловна изготавливала очередной сто первый платок, отличающийся от предыдущего только цветом и рисунком. С такой же регулярностью Жанна приходила на работу в очередном умопомрачительном наряде, одного взгляда на который хватало, чтобы заподозрить, что размер зарплаты Жанны радикально отличается от зарплат рядовых дизайнеров.

Неужели она больше никого из них не будет видеть? Не сможет приходить сюда каждый день?

За столом наискосок от Машиного сидела ее коллега, дизайнер Юля – вечно замороченная чем-то девушка лет двадцати пяти, с которой ни у кого дальше «привет-пока» отношения не складывались, – закрытая, вся в себе. Но чертежи хорошие, и вкус есть. И никогда не претендовала на большие проекты, все больше по частным заказам и дизайну квартир.

В другой стороне зала прямо на рабочем столе сидел и болтал ногами Павлик, их водитель, он возил Щучку, приносил ему кофе и сплетни. При виде Павлика Маша вся подобралась и смастерила самое непроницаемое выражение лица, на которое только была способна. Маша шла в кабинет Роберта. Он был ее путеводной звездой – вот уже несколько месяцев как, а теперь еще стал и последней надеждой. У Роберта должен был сохраниться маленький презентационный фильм, который Маша пересылала ему пару дней назад по почте. Он-то ведь его не удалял? Впрочем, Маша уже не знала, чего и ожидать.

Ничего хорошего.

Роберта не было на месте. Тупик. Осмелев от отчаяния, Маша сунула нос в его офис. За стеклянной дверью приятно пахло туалетной водой, которой Роберт пользовался. В уголке мерно жужжал персональный кулер Роберта, играла какая-то тихая музыка. Это было странно, непривычно – стоять здесь в отсутствие хозяина, но, если что, она могла сослаться на ужасную, патовую ситуацию, в которую попала.

На столе у него царил королевский порядок – все вещи на своих местах. Ручки, карандашики, листочки и стикеры, журналы по архитектуре, справочники. На стене – доска для рисования маркерами, исчерченная какими-то графиками. Машин рабочий стол – скопище семейных фотографий, плюшевых игрушек, подаренных на праздники, а также бумажек, чашки в виде божьей коровки – с крышечкой, чтобы чай лучше заваривался. На стенах у Роберта – сертификаты, большая часть – на английском языке. Роберт много ездил, часто участвовал в международных проектах, учился.

– Маша? Что вы тут делаете? – Мягкий голос звучал удивленно, Маша резко развернулась и увидела Роберта, стоящего в дверях. Может быть, еще не все потеряно? Может быть, он сможет ей помочь, решит ее как-то прикрыть.

– Я... у меня случилось нечто ужасное.

– Что такое? – Роберт нахмурился. – Я могу помочь?

– Я не знаю. Правда, я не понимаю, как это могло случиться, но весь мой проект... Вся папка исчезла. Оказалась стерта. И даже почта почти вся пропала.

– Это невозможно! – ахнул Роберт. – Кошмар!

– Да, да, кошмар. Может быть, вирус. Я хотела узнать, сохранился ли у вас файл с моим фильмом. Если честно, я просто ума не приложу, что мне делать! – Маша увидела, как на красивом, умном, тонком лице отразилось беспокойство.

– Маша, вы имеете в виду видео для презентации?

– Да! Его! – От беспокойства она уже и говорит так, что ее невозможно понять.

– Да-да, конечно. Файл у меня тут, – И Роберт прошел в кабинет. Но тут...

– Что ты несешь! – Голос возник как из ниоткуда, а затем и сам его владелец появился на пороге кабинета Левинского. – Я не ослышался? Мария, ты не повторишь еще раз – для нас?

Ее самый страшный кошмар, ее босс, ее Щучка стоял в дверях и смотрел на Машу, улыбаясь только лишь одними губами.

– Б-Борис Яковлевич... – От волнения Маша даже заикаться начала. Уж его-то она тут никак не рассчитывала увидеть. Черт, черт, черт! Но вот он, стоит в дверях, растягивает губы в улыбку Чикатило и, о нет, боже, раскидывает руки в добродушном жесте. А за его спиной – и это уж совсем невероятно – с самым невозмутимым видом стоит и с интересом наблюдает за происходящим еще один мужчина. Его руки в карманах джинсов, рукава его тонкой размахайки закатаны, и волосы на руках видны. На руке – часы с кожаным ремешком. Он улыбается и смотрит на Машу. Смотрит с интересом, как на мышь в мышеловке.

– Николай Николаевич, вы не подождете нас на террасе? Погода чудесная, сейчас принесут напитки. У меня тут проблема с... персоналом. – Борис Яковлевич обращался к утреннему незнакомцу с таким пиететом и заискиванием, что Маша похолодела. Это кому же она, получается, нахамила с утра пораньше? Николай Николаевич? Гончаров, что ли? Не может быть! Дон Корлеоне, их главный заказчик. Только не это!

– Кажется, теперь помощь требуется не мне? – рассмеялся этот самоуверенный товарищ и безо всякого стеснения посмотрел в Машины наполненные ужасом глаза.

Глава четвертая

Поле брани

Вот так – легко и незаметно, буквально за несколько мгновений может измениться вся жизнь. Проблемы – это как какое-то природное явление: снегопад, или буран, или град размером с кулак. Ты не можешь их остановить, ты не знаешь, что с ними делать. В них влетаешь, как в тоннель, уводящий с маршрута. Еще несколько минут назад ты смотрела в карту, пыталась придумать, как объехать препятствие, куда свернуть от него, но с того момента, как ты оказалась в тоннеле, выбора у тебя остается всего ничего. Ты летишь по трубе, не зная, где и чем она закончится. И на дороге лед, и освещение не работает, и самое страшное – ты подозреваешь, что тоннель заканчивается обрывом. Скоро ты полетишь в пропасть, дорогуша. И все это заставляет тебя метаться и искать выход, которого нет.

Маша стояла, хлопала глазами и сама понимала, как глупо и неубедительно будет звучать все, что она сейчас может сказать. Потому что сказать ей, собственно, нечего.

А еще этот наглец с вызывающим взглядом! Как же так! Почему он оказался их самым перспективным клиентом?! Нет в мире справедливости! Насколько было бы лучше, если бы сейчас он не смотрел на Машу так презрительно. Он смеется над нею, над ее страхом и замешательством. Маша ничего не могла поделать с ощущением, что этот тип видит ее насквозь, со всеми ее тайнами, из которых самая страшная – ее глупые надежды, ее глупые чувства, ее любовь к Роберту.

Пусть он уйдет. Пусть Щучка даже выкинет Машу из окна их офиса, но только не при этом самоуверенном типе. Тоже мне, владыка мира. Хотя... ведь он и есть в каком-то смысле владыка. Владелец заводов, газет, пароходов и элитных поселков.

– Так что, презентация не состоится? – спросил этот наглец, глядя прямо на Машу. Уходить он, кажется, не собирался. – Очень жаль, я бы послушал.

– Николай Николаевич, о чем вы! – с притворным возмущением бросился к нему Щучка. – Разве возможно? Мы все сейчас решим, не сомневайтесь!

– А я и не сомневаюсь. – И Николай Николаевич улыбнулся. Щучка бросил огненную стрелу в Машину сторону.

– Скажи уже что-нибудь, Кошкина! Повесели меня! Ты же не могла ВСЕ потерять? – очень тихо, очень ласково спросил он.

– Значит, – незнакомец приподнял одну бровь и улыбнулся еще шире, – весь мой бизнес был в ваших руках и вы его потеряли? Как же это произошло?

– Она его в косметичку засунула вместо помадки, – хмыкнул Щучка, но Гончаров не рассмехался и посмотрел на Щучку каким-то раздраженным взглядом. После чего тот, хвала небесам, заткнулся и больше не шутил.

– Я... я... – Слова застряли где-то в горле, и Маша вдруг по-настоящему испугалась. Этот мужчина, одетый так обманчиво просто, с наверняка дорожными часами на руке, – его же не зря зовут за глаза Доном Корлеоне. Не зря же он хромает. Говорили, что он пострадал в бандитской разборке. Рассказывали, что чуть ли не в перестрелке двух группировок – где-то в начале девяностых, где ему попали в сустав. И что теперь этот сустав у него то ли заменен на титановый, то ли что-то еще с ним сделали. А всех, кто тогда был против него, вроде как он поубивал. Или не он. Или не тогда.

В общем, слава шла впереди этого мужчины с острым взглядом, пробивающим насквозь. И становилось не по себе и вообще очень страшно. Вдруг он... вдруг ему захочется как-то наказать Машу. В конце концов, она принесла ему убыток. Хотя какой убыток? Еще не нарисованный план не построенного поселка?

– Что ты мямлишь, Кошкина?

– У меня, кажется, есть презентационный фильм Марии Андреевны. Я сейчас... сейчас. – Роберт поспешил к своему столу, явно надеясь хоть как-то помочь Маше. Николай, мать его, Николаевич проводил Роберта тяжелым взглядом, сути которого Маша не поняла. Затем Дон Корлеоне вернул все свое внимание Маше. Щучка улыбался все искреннее, а красный цвет на его щеках становился все гуще.

– А что еще, кроме фильма? Плакаты? Распечатки плакатов для билбордов? – Маша просто молчала. Она стиснула кулаки и еле сдерживалась, чтобы не разреветься, что было бы просто ужасно.

– Я в своем уме? Я не сплю? Ты действительно сказала, что потеряла все файлы нашей визуализации к «Русскому раздолью»? – процедил Щучка, не сводя с подчиненной ледяного взгляда. Маша уже мысленно смирилась с тем, что ее немедленно уволят, но теперь ее страшила мысль, что так просто она не отделается. Вдруг ее заставят выплачивать какой-нибудь корпоративный штраф за срыв работы? Кто его знает, на какие деньги она утратила информацию?

– Так, я нашел фильм, – выскочил из-за стола Роберт.

– Значит, мы можем пройти в переговорную? – гостеприимно предложил Николай Гончаров. Щучка тут же закивал головой, как китайский болванчик, и посеменил впереди. Маша осталась стоять на месте, не совсем уверенная в том, как ей следует поступить. Может, она уже уволена и просто не поняла это?

– Вы идете с нами? – спросил Роберт, задержавшись на ступеньках лестницы. Сверху вниз на Машу посмотрели Щучка и Николай. Затем Дон Корлеоне свесился через перила и усмехнулся.

– Идемте-идемте, ваше кино хоть посмотрим. Наш вы Гайдай белоснежный. – Напомнил, черт, в каком несоответствующем моменту платье была Маша. Но что ей оставалось? Она вдохнула поглубже и последовала за тремя мужчинами.

Трое на одного. На одну. Одного этого было достаточно, чтобы деморализовать девушку. Борису Яковлевичу было лет за сорок, он был груб и властен. Николаю Гончарову – за тридцать, но к возрасту примешивалась эта безусловная власть, исходившая от него. Роберт смотрел на Машу с сочувствием, но чем еще он мог ей помочь? Он протянул ей флешку с записью, и Маша дрожащими руками принялась настраивать оборудование.

К своим двадцати двум годам Маша еще ни разу не оказывалась в эпицентре настоящей катастрофы. Никаких особых конфликтов, кроме ссор с братцем. Ничего страшнее перспективы не сдать зачет или опоздать домой. В просторной переговорной с выходом на открытую террасу Маша чувствовала себя как уж на сковородке. Трое мужчин, один из которых откровенно враждебен, другой насмешлив, а третий вежлив и внимателен, смотрели на Машу и ждали объяснений: что же произошло? Щучка так и кружил над Машей, заставляя ее волноваться еще больше, а Николай Гончаров встал в открытой двери, ведущей на террасу, и просто с интересом ждал. Маша вдруг почувствовала иррациональный страх, что сейчас она что-то сделает не так и файл с флешки тоже пропадет. Она невольно поддалась панике – на секунду, но затем вдохнула поглубже.

Бомба дважды в одну воронку не попадает. Еще одна папина поговорка. Держись, Маша.

– Это небольшой демонстрационный фильм о том, каким потенциальный покупатель должен увидеть поселок «Русское раздолье», – пробормотала Маша, выбирая нужный файл с флешки. – Моей главной задачей при визуализации проекта было выделить уникальные преимущества нашего поселка, сделать его привлекательнее остальных проектов на рынке.

На белом экране появилась заставка: с красивой заснеженной дороги – точка обзора летела так, будто съемка велась из автомобиля, кружащего по альпийскому серпантину, – взгляд устремлялся к воротам поселка. Главный въезд – широкая брусчатка, по которой рас-

ставлены фигурки людей. Дальше шел более детальный показ нескольких рядов домиков – правильной формы, с ровными крышами, с белыми контурами окошек, футуристичных и необычных. Сами дома были двух типов: темные – из коричневого материала, светлые облицованы чем-то вроде камня.

– Я показала нашу деревню вечером, чтобы использовать преимущество искусственного освещения, которое добавляет ощущение уюта. Дома также выглядят жилыми за счет света в окнах. Зимний пейзаж как бы приглашает зайти внутрь, согреться, навеивает мысли о теплом огне в камине. Все сооружения поселка можно отнести к категории eco-friendly, то есть не наносящих вреда окружающей среде.

– Вам нравится сидеть у камина? – спросил вдруг Гончаров, повернувшись к Маше.

– Мне?

– Тебя спросили! – цыкнул Щучка.

– Ну, в такую жару я и думать не хочу о живом огне, – попыталась пошутить Маша. – Однако запуск проекта планируется на конец октября, и основные продажи придется как раз на зиму.

Маша замолчала, и все тихо смотрели, как остроносые домики медленно разворачивались на экране. Пауза была долгой и неприятной, и с каждой секундой Маша нервничала все больше.

– Я могу переделать все на летние мотивы. Или сделать серию «времена года», чтобы показать комфорт и удобство поселка во все сезоны.

– Ага, – кивнул Гончаров, продолжая смотреть с невозмутимым лицом.

– Еще стоит сказать, что проекты домов разработаны с учетом самых перспективных тенденций в Европе. Стилистика относит нас к уютным городкам в Бельгии. – Заученный текст выходит с трудом, с запинками и остановками.

– Про Бельгию – это чья идея? – спросил Дон Корлеоне. – Ваша?

– Нет, что вы! – замотала головой Маша. – Моя задача – только создать рекламный продукт.

– Понятно, – пробормотал Гончаров отчего-то недовольно. – Боря, можно тебя на секунду дочку?

– Хоть на две, – кивнул Борис Яковлевич, но Гончаров уже вышел из переговорной. Он даже не сомневался, что нужные ему люди сами последуют за ним. Щучка аккуратно прикрыл за собой дверь. Фильм докрутился до конца, и экран погас. Маша стояла и смотрела, как Гончаров и Щучка о чем-то жарко дискутируют на террасе, но слов разобрать не получалось.

– Все будет нормально, – услышала она из-за спины. Вздвигнув, Маша обернулась и увидела Роберта. Тот стоял рядом и с сочувствием смотрел на нее.

– Вы думаете? – переспросила она безо всякого оптимизма, потому что Гончаров на террасе смотрел на Щучку неодобрительно, а тот размахивал руками и прыгал туда-сюда, словно пытался оправдаться. – Мне кажется, он сейчас разорвет контракт только из-за того, что Борис Яковлевич поручил его мне. Это же как доверить пациента черт знает кому.

– Вы слишком строги к себе, – мягко заметил Роберт. – Вы же не виноваты в том, что произошло.

– Вы так считаете? – покачала головой Маша.

– Ну вы же не стирали эти файлы, в самом-то деле! – кивнул он. – Это просто какой-то несчастный случай.

– Но этот несчастный случай случился не с кем-то, а именно со мной! – Маша прошла к двери и вышла на террасу переговорной. В обычном состоянии она бы этого никогда не сделала. Эта переговорная не была предназначена для дизайнеров, только для директоров, бос-

сов и клиентов с самоуверенными карими глазами. Роберт вышел вслед за Машей и тихонько закрыл дверь.

– Я уверен, что это просто какой-то вирус. И еще знаете, в чем я уверен?

– В чем? – Маша не могла больше сдерживаться, усталость и напряжение сказались, и ее глаза наполнились слезами. – В том, что меня уволят еще до того, как стемнеет?

– Нет же, что вы, Машенька! – Роберт засмеялся, и его интеллигентное лицо словно озарилось внутренним светом. – Никто вас не уволит. А если даже и захотят, я постараюсь замолвить за вас словечко.

– Правда? – Неожиданно на душе потеплело. Он назвал ее Машенькой, или она, может быть, ослышалась? – Вы бы сделали это для меня?

– Конечно! Ведь я-то видел вашу работу. Вы все сможете восстановить, я уверен. У вас же есть дома копии?

– Нет. К сожалению, я не хотела тиражировать папки и путаться, вот и получилось... – Маша отвернулась и посмотрела вдаль, на плавающую от жары Москву. – Глупо, как же глупо.

– Эй! – Роберт взял Машу за плечи и развернул к себе. – Хватит предаваться отчаянию! У меня многое сохранилось, мне нужно только хорошенько покопаться в папках дома. А то, что пропало, мы восстановим с вами вместе, идет? А сейчас я пойду найду Бориса Яковлевича и поговорю с ним. О'кей? Ни о чем не волнуйтесь, ладно?

И Роберт ушел, оставив Машу на террасе, на горячем ветру, который трепал ее спутанные за долгое утро волосы. Она поверить не могла, что эта невозможная катастрофа неожиданно обернулась для нее шансом. Может ли это быть правдой? Сумеет ли даже такой важный человек, как Роберт, переубедить Щучку оставить Машу на работе?

Не важно!

Все равно он как Дон Кихот, как самый настоящий рыцарь в сияющих доспехах. Мужчина, который бросается на помощь женщине в затруднительном положении, – это такая редкость в наше время. И возможно – возможно – он станет вместе с ней восстанавливать утраченные файлы. А это значит, что их потеря – просто благословение божье, вот это что!

Маша вздрогнула, услышав звук открывшейся двери.

– Вы закончили? – спросила Жанна, процокав на своих десятисантиметровых шпильках к столику на террасе, где так и стояли нетронутыми чашечки с кофе. На одной из чашек, с капучино, даже осталось сердечко.

– Да, наверное, – кивнула Маша, и Жанна церемонно, с важным видом принялась прибираться. Маша выскользнула в двери и сбежала по лестнице вниз. Людей в офисе еще прибавилось. Около парочки дизайнеров сидели клиенты – по двое, семейные пары, они спорили друг с другом и шумели, листая каталоги. Мерно гудел копир, Павлик жевал пирожок и громко смеялся, а Людмила Михайловна что-то настойчиво ему твердила. Маша прошла мимо них в сторону серверной, когда вдруг услышала громкие голоса из-за дверей в мужскую уборную. Маша было пробежала мимо, но один из голосов принадлежал Щучке, и этот факт заставил Машу не только остановиться, но и прижаться к стене, чтобы не отвечать. Щучка кричал и оправдывался.

– Но мы же профессионалы! Мы знаем, на что реагирует клиент! Мы уже занимались подобными проектами.

– Мне плевать, Борька, чем ты там занимался и с кем. А также и на то, кому и сколько ты откатывал и кто сколько откатывал тебе. Я поручал тебе не это! – Маша замерла, даже дышать перестала. Голос принадлежал Дону Корлеоне, Гончарову. – На черта мне эта бельгийская экзотика?

– Но почему нет? Это же самое модное. Мы всегда держим нос по ветру.

– Во-первых, именно поэтому! – Голос Гончарова звучал громко, но спокойно. – Модное – еще не значит, что понравится людям. Я как их заставляю жить в ваших летающих тарелках

вместо домов? И потом, разве мы не обсуждали концепцию? Думаешь, мы просто так даем поселку название «Русское раздолье»?

– Люди все равно тянутся больше к тому, что видят за границей, – пробормотал Щучка.

– Это кто сказал? – переспросил Гончаров, и в этот раз в его голосе прозвучало бешенство. – Твой доморощенный Фрэнк Ллойд Райт? А я тебе так скажу: плевать мне на то, сколько у него наград и как он там видит вещи! Я знаю, как он видит вещи. Как ему удобно, он их видит.

– Не горячись, Коля. Не горячись. Мы все переделаем. Слышишь? Все равно возникла проблема с визуализацией.

– Мне не нужна визуализация этого евро-эко-клона, – голос Гончарова неожиданно начал приближаться к двери. Маша еле успела увернуться и скрыться за колонной, поддерживающей лестницу, как Гончаров вылетел из уборной, вытирая на ходу руки бумажным полотенцем. Маша буквально вжалась в стену, чтобы остаться незамеченной. Еще не хватало, чтобы после всего, что случилось, Дон Корлеоне подумал, что Маша подслушивала его разговор. Тем более что так оно и было. Но Гончаров был напряжен, сконцентрирован, аж пружинил при ходьбе и почти не хромал. В три шага он перемахнул через коридорчик и пошел к выходу. Маша выждала момент, пока и Щучка просеменил мимо нее, а затем выдохнула и потихонечку пошла к своему месту.

– Ну что? – Степка уже ждал Машу, рассевшись на ее стуле. Он копался в ее компьютере, пытаясь найти следы того цунами, что унесло из файловой системы целую папку, но все безуспешно. О происшедшем уже знал весь офис. Жанна делала вид, что ей эта история совершенно безразлична, хотя всем было очевидно, что Машина безалаберность ее совершенно не удивляет. Людмила Михайловна смотрела с сочувствием и принесла чаю. Павлик был самым бесчувственным. Он спросил напрямую, выкинул ли Машу Щучка.

– Пока не знаю, – ответила Маша всем сразу, и самое интересное, что она была в своем ответе совершенно искренней. Слишком многое произошло за короткое время. И этот разговор...

– Как не знаешь?! Человека либо увольняют, либо оставляют! – возмутился Павлик. – Вот у меня был случай. Когда меня уволили, а я не знал. И, как дурак, приехал на работу, а там уже другой охранник сидит, документы у меня требует. Потом оказалось, что они забыли мне позвонить. Забавно, что за это никого из отдела кадров не уволили. Ну не парадокс ли?

– Заткнешься ты, а? – гаркнул Степка.

– А чего такого? Я только хочу сказать, что раз не сказали, что уволили, это еще не значит, что ее оставили. В конце концов, она завалила целый проект.

– Умеешь ты поддержать, – разозлился Степа. – Маша, ты хочешь, я тебе открою дополнительный трафик? Игрушку поставлю?

– Давай-давай, пусть ее за раскладыванием пасьянса поймают, – кивнула Жанна.

– «ГТА» ей поставь, чтобы стресс сбрасывала, – предложил Павлик.

– А что такое эта ваша Гата? – спросила Людмила Михайловна. – Это как ферма?

– Ну, примерно, – рассмеялся Павлик. – Только с кабачками там о-очень плохо обращаются.

В этот момент к ним подошел Щучка, красный как рак и злой как черт. Он развел руки в стороны, улыбнулся одной из самых фирменных своих улыбочек и тихо произнес:

– Так, маемся дурью, да? Лясы точим? Интересненько всем, да?

– Борис Яковлевич, мы просто...

– Просто? Штрафов вы давно не выплачивали просто! Ну-ка быстро за работу!

– Конечно! – закивали все, а Машка с удивлением отметила, что Степка, до этого восседавший в самом центре их микрокосмоса, уже исчез, испарился. Он всегда умел это делать – растворяться при виде начальства. Удивительная способность, позволявшая ему сохранять лицо и положение в самых сложных ситуациях. Иногда Маше казалось, что Щучка вообще

забывал о существовании такого сотрудника, как сисадмин. Степка был как тот суслик, которого не видно, но он все же есть.

– Кошкина!

– Я! – выкрикнула Маша и тут же похолодела от ужаса. Все-таки уволит?

– Иди за мной, – скомандовал Щучка и тут же отправился в сторону своего кабинета. Он явно имитировал уверенную и властную манеру Гончарова, но получалось это у него плохо. Чего-то не было у Бориса Яковлевича Щучки, чтобы двигаться, говорить и просто быть таким, как Гончаров. Сильным мира сего он не был, как ни пытался. Уже посреди лестницы он вдруг остановился и обернулся, словно проверяя, исполнила ли его приказ Маша Кошкина. От этого Маша налетела на него и чуть не упала.

Сильные мира сего не оборачиваются.

– Послушай, Кошкина, что это было? – спросил он, пристально изучая ее лицо холодными и злыми глазами. «Сейчас рванет!» – подумала Маша. Вот прямо сейчас он ее и выкинет, чтобы просто как-то сбросить стресс.

– Я не знаю. У меня даже не было времени проанализировать ситуацию. Нужно обязательно выяснить, – зачастила она.

– Я спрашиваю, какого хрена ты стерла все файлы? Ты с ума сошла? – рявкнул он, приподнявшись над столом. Сейчас он даже не улыбался.

– Я... я не стирала их, – пробормотала Маша, хотя и чувствовала, что ответ этот неправильный.

– Нет? А кто тогда? Пушкин? Или, думаешь, у нас барабашка завелся? Знаешь, Кошкина, я ведь не говорю, что ты сделала это осознанно. Да, я не думаю, Кошкина, что ты дура до такой степени.

– Спасибо, – прошептала она, хотя комплимент и был сомнительным.

– На здоровье. Нужно посмотреть, чем ты там в своем компьютере занималась, раз он завирусовался до такой степени. Я просто не знаю, что с тобой делать.

– Я все восстановлю. Я буду работать круглыми сутками, все выходные.

– Бла-бла-бла, думаешь, я хочу это все слышать? Я хотел, чтобы сегодня ты провела нормальную презентацию. Я доверился тебе, а ты подставила меня! Всю фирму подставила! Ты хоть это понимаешь?

– Да, понимаю, – кивнула Маша. Но она не понимала, кто подставил ее саму. Кто или что. Может быть, она никогда не узнает об этом. Но она-то ведь ничего не сделала для того, чтобы опозорить компанию! Поди докажи!

– Я хотел тебя уволить. Я прямо чувствую, что должен тебя уволить. Ты хоть понимаешь?

– Я понимаю.

– А как иначе? Такое не прощают. – Он развел руками, а потом подцепил серый платок и протер им вспотевший лоб.

– Я понимаю, – как попугай повторяла Маша.

– Но я не стану этого делать.

– Нет? – искренне удивилась Маша.

– Нет. – И тут Щучка улыбнулся. – За тебя заступились. Наверное, ты была в правильном платье. В любом случае к понедельнику проект должен быть переделан. Роберт согласился помочь, свяжись с ним, он ждет твоего звонка. И имей в виду, если что-то подобное снова произойдет, то я уже не стану слушать никого.

– Я понимаю! – почти выкрикнула Маша. – Спасибо.

– Это тебе не меня благодарить надо! – отмахнулся Щучка и отвернулся к телефонному аппарату, давая понять, что на этом его беседа с Машей Кошкиной окончена. Тогда девушка встала и, не переставая благодарить, попятилась к выходу. Она боялась даже повернуться спиной, чтобы не спугнуть удачу. Она не уволена, она будет работать с Робертом Левинским все

выходные! Это же счастье, счастье! И она прекрасно знала, что именно его ей стоит за это поблагодарить. И даже примерно представляла, как именно.

Глава пятая

Трудности перевода

Родители долетели до Карловых Вар без приключений, о чем они не замедлили сообщить любимой доченьке, оставив соответствующее сообщение на автоответчике домашнего телефона. Оказывается, звук у Машиного мобильного телефона был целый день отключен, и сколько ни пыталась мама связаться с нею, этого ей не удалось. А теперь Маша стояла посреди пустой квартиры и испытывала мучительный стыд и жгучее чувство вины. А что, если бы что-то случилось?

Впрочем, не случилось же.

– Ну что, дочь, как там у тебя дела? – холодно спросила мама, когда Маша дозвонилась до них. Тоже, надо сказать, не с первого раза.

– Ничего, мам. У меня был просто чумовой день, я ушла с работы только в половине десятого, – пожаловалась Маша, надеясь, что мама отгадает и простит ее.

– Ты сама ее себе выбирала, эту работу, – отрезала мама. Маша замолчала, не зная, как еще подлизаться к обиженной матери.

– Ну, а вы там как? Как санаторий? Красиво? Лечение начали?

– Отец твой ударил в грязь лицом, – сказала вдруг Татьяна Ивановна.

– Как? Почему? Что такое он сделал? – заволновалась Маша.

– Ничего. Просто он, видимо, верит в чудеса, потому что прямо с самолета поперся на процедуры. Теперь вот лежит, всю кровать запачкал мне. Эта их грязь лечебная – она отмывается плохо, так что твой отец и притащил все в постель. Придется просить, чтобы завтра все перестелили. А я только завтра начну.

– Что?

– Грязевые ванны, – добавила та удивленно. – Что ж еще?

– А как Сашка? – спросила Маша, удивив тем самым и маму, и саму себя.

– Только не говори, что ты по нему скучаешь. Я все боюсь, что вы однажды поубиваете друг друга. Если тебе действительно интересно...

– Ну конечно, интересно! – с преувеличенным энтузиазмом заявила Маша. – Я уже по вам скучаю.

– Ой, не надо врать! – фыркнула мама, но, кажется, немного оттаяла. Рассказала, как Саша по всему санаторию искал интернет. Как следопыт, с телефоном, который он нес перед собой впереди на вытянутых руках.

– Нашел? – рассмеялась Маша.

– А то! В лобби отеля. Теперь он оттуда и не выйдет. Ну и ладно. Пусть эти чехи на его «лизуне» поскальзываются. – И мама тоже рассмеялась. Маша с легким сердцем пожелала родне спокойной ночи и положила трубку. Затем глубоко вдохнула, закрыла глаза и прислушалась к тишине, которой никогда раньше не слышала.

Тишина была объемной, как фильмы в формате 3D. С улицы доносились звуки города. Машины сигналили, тормозили и трогались с места. Кто-то громко смеялся – в открытые окна смех залетал легко и оставался в стенах опустевшей кухни. Свет уличных фонарей заполнял темное пространство. Наконец-то в квартире стало прохладно. Ветер играл занавесками. Только раскрыв дверцу холодильника, Маша осознала, насколько она голодна – не ела целый день. Страх, паника и адреналин – прекрасное средство против аппетита, но теперь напряжение пережитого дня понемножечку отпускало, и естественные желания давали о себе знать.

Завтра она поедет к Роберту. В это невозможно поверить! Но это происходит на самом деле.

Маша долго стояла в кухне около открытой дверцы холодильника. Все время, прокручивая события прошедшего дня, она пыталась найти ошибку.

Весь этот безумный день в офисе ей было некогда подумать. Маша лихорадочно восстанавливала эскизы, заново сканировала рисунки, оставшиеся у нее в столе. Они не были стерты только по той причине, что были нарисованы акварелью или начерчены карандашами. Вот она – победа реального мира над цифровым. Дел было море. Поле непашаное. Авгиевы конюшни невычищенные. Вагон и маленькая тележка.

Маша суежилась, забыв о себе, и почти до самого конца рабочего дня ее голова была так загружена подготовкой материалов для последующих восстановительных работ, что она даже не успела задуматься о двух вопросах, которые мучили ее, выплывая из подсознания.

Как же все-таки вышло, что ее файлы стерты?

Степа так и не дал никакого ответа. Может быть, к понедельнику прояснится? А может быть, они не найдут ответ никогда. От этой мысли становилось как-то не по себе. Как тогда защититься от подобных вещей в будущем? Ведь ситуация-то патовая.

Надо быть осторожнее, недаром же теперь даже праздник такой есть – День защиты информации. Пароль ты когда в последний раз меняла? Маша-растеряша! С другой стороны, кому ее пароли сдались?

А если это вирус, то где и как она его хватанула? Учитывая тот факт, что никуда она особенно не лазила. Ну, фейсбуки разные ваши не считаются. Они-то уж, на минуточку, мировые сети и от вирусов защищены. Наверное.

Может быть, когда искала фильм на пиратском сайте... Ну да, было, было. Но она же его не качала, только ссылку домой перебросила. Хотя ведь и одного грехопадения хватило, чтобы разрушить весь Эдемский сад? По крайней мере, вылететь из него.

А если не вирус, тогда что? Человек? Бесчеловечный какой человек! Разве можно вот так – подойти и стереть чужую работу за несколько месяцев? Всего за сутки до совещания? Немыслимо, невозможно даже представить. Никто на такое не способен.

Тогда остается только один вариант – что файлы стерла она сама. Но если это действительно была она сама – тогда все плохо. Ведь это значит, что у нее началось раздвоение личности и что, хотя ее изначальная аутентичная личность свою работу любит и ценит, вторая личность, видимо, устала, хочет на море или в крайнем случае на грязи. И решила во что бы то ни стало работу потерять.

Второй вопрос – что делать с этим самоуверенным типом, Гончаровым, которому не понравилась идея Роберта. Это беспокоило Машу даже больше, потому что касалось Роберта и его чувств. А уж задеть его чувства – это было последним, чего хотела бы Маша.

Такие красивые домики, такой прекрасный проект. Но Гончаров опасен. Он способен на все что угодно, и Машин священный долг сейчас – защитить Роберта. Ради любви. Ради будущего... ей придется сказать Роберту о том, что ему надо переделать всю концепцию поселка.

И сказать так, чтобы после этого он бы Машу не прогнал, а... поцеловал.

Их первый поцелуй – она столько раз его представляла в самых сумасбродных подробностях. То Роберт спасает Машу из горящего дома, выносит на руках и от наплыва острых эмоций, понимая, что только что чуть ее не потерял, говорит ей:

– Я бы просто не смог дальше жить без тебя. Скажи мне «нет» сейчас, иначе потом будет поздно! – и тут же впирается в ее губы, не дав ей и секунды что-нибудь ему ответить. В других случаях Роберт ждал Машу около ее дома, сидел на ступеньках лестницы, ведущей в ее квартиру... Ну конечно, в их подъезде не было таких ступенек, на которых можно было бы вот так меланхолично сидеть и ждать девушку, чтобы признаться ей в любви. В мыслях Маши ее многоэтажка легко трансформировалась в нью-йоркские одноподъездные домики с высокими лестницами, обрамленными коваными перилами.

– Я был дураком, и я почти потерял тебя. Но я не отдам тебя другому, он может убираться к чертям собачьим! – говорил Роберт, продолжая сидеть. Уж почему он почти потерял ее – это Маша придумывала каждый раз по-разному. Но каждый раз она смотрела на него с грустью и обреченностью.

– Ты уже отдал меня.

– Значит, я отвоюю тебя обратно, – отвечал он решительно. – Может быть, ты предложишь мне чашечку кофе?

– Ты же не пьешь кофе, – удивлялась она. И тогда он вставал с лестницы, приближался к ней, брал ее за подбородок и нежно целовал в губы. Затем он смотрел прямо ей в глаза:

– Я пью его теперь, потому что он напоминает мне о тебе.

Реальность была куда лучше, чем все эти романтические сказки, которые так нравились Маше. В реальности Роберт заступился за нее, попросил Щучку не увольнять ее, пригласил к себе, обещал помочь. Реальность была восхитительной и пугающей одновременно, как головокругоулетительный аттракцион в старом парке напротив их дома, куда она бегала в детстве.

Она просто обязана помочь Роберту. С этой мыслью Маша и заснула. С этой мыслью и с большим плюшевым медведем в обнимку. Обычно мишка «жил» на кресле, но ощущение полной свободы ближе к часу ночи вдруг перешло в ощущение одиночества. Квартира мерно тикала, поскрипывала и постукивала. Невероятно, сколько разных пугающих звуков она не слышала, когда рядом были родители. Отсюда и медведь. Какой-никакой, а все же живой и теплый. Ну, хотя бы мягкий и теплый. С ним было не так страшно засыпать.

Утром солнечный свет разрушил колдовство, и квартира снова стала родной и уютной. Да, завтрак не было, но это Машу никак не смущало, даже наоборот. Остаться без завтрака – это было почти революцией, тайным переворотом, бунтом против маминой власти. Жить без завтрака – это же просто прекрасно! Выбежать из дома, пролететь через мокрый от росы сонный Сокольнический парк, подбежать к метро, купить два кофе в бумажных чашках, ехать с ними в полупустом метро.

Суббота. Все люди проводят выходные с семьями и друзьями. Маша ехала на Сухаревскую, к Роберту. В его квартиру. В это же просто невозможно поверить.

И все же в ее записной книжке рукой самого Роберта был вписан адрес – даже этаж и номер кода его домофона. Он сказал ей, что большая часть материалов у него дома и что там им будет удобнее работать. А сам посмотрел на нее так, что по спине побежали мурашки.

Теперь Маша старательно продумывала, что именно будет говорить, какую манеру себя вести возьмет на вооружение. Непринужденность, профессионализм, но не чрезмерный, потому что надо помнить, кто из них двоих – настоящий профессионал. Все-таки они не могут существовать на равных. Никто не может существовать на равных с Робертом, и это всегда очень чувствовалось. Все, с кем общался Роберт, всегда отмечали, что он словно стоит на несколько ступенек выше. И хотя он совсем не задается, не воображает и не выпендривается, ощущение такое, что всем постоянно приходится задирать голову. Дотягиваться до его уровня во всем.

Кроме, пожалуй, этого похожего на хромого разбойника Гончарова. Вот он вел себя возмутительно и неуважительно по отношению к Роберту Левинскому. Подумаешь, заказчик. И вообще – хватит о нем думать.

Решено. Профессионально, уважительно, с намеком на большее. Так она и поведет себя. Именно поэтому она и надела значительно более скромное платье – сиреневое, с рукавами-фонариками на плечах и с юбочкой-колокольчиком. Скромно и женственно, вот как надо выглядеть, а не вызывающе. Не то что вчера. Ее белое платье не отметил только ленивый. Даже Степа отметил, а уж он обычно вообще не замечает, во что люди одеты. Если только они не голые.

Даже этот Дон Корлеоне заметил... К черту его.

Когда Маша подошла к двери одного из подъездов длинного девятиэтажного дома, ее сердце застучало с удвоенной силой, и пришлось остановиться, просто подышать несколько мгновений, чтобы привести чувства в порядок. Она сверилась с адресом в записной книжке, отметив еще раз, какой у Роберта красивый почерк. Буква к букве. По его почерку можно создавать шрифты. А что, это идея!

– Маша, это вы? – спросил Роберт в домофон. – Поднимайтесь на пятый этаж, я открою дверь. Проходите, раздевайтесь.

– Хорошо, – ответила она, но домофон к этому моменту, кажется, уже отключился. Видимо, Роберт был чем-то занят. Он всегда чем-то занят. Работает с утра до ночи. Интересно, что он имел в виду под этим «раздевайтесь»? Если Маша снимет хотя бы одну деталь своего туалета, она останется в одном белье.

Он имел в виду обувь, дура!

Дверь в нужную квартиру действительно была открыта, но самого Роберта за ней не было видно. Маша помедлила, чувствуя какую-то неловкость, но затем решительно трянула старательно уложенными в «непринужденный беспорядок» волосами. И сделала шаг вперед.

Мир Роберта Левинского... Она столько раз пыталась представить, каков он! И вот он перед ней. Самая обычная двухкомнатная квартира. Стены выкрашены в глубокий синий цвет, почти индиго. Местами краска облупилась. Интересно, он сам выбрал этот цвет? Маша больше представляла Роберта в других декорациях. Что-нибудь техногенное, с большим количеством стекла и металла. Необычное, но очень мужское. И постеры по стенам, почему-то с черно-белыми фотографиями мостов.

В квартире играла музыка – старые джазовые композиции. Около входа стояли, как солдаты, выстроенные в ровный ряд ботинки, сандалии, кроссовки, тапочки – одним словом, обувь. Так по-робертовски: аккуратно, педантично. Маша невольно улыбнулась. Ей вдруг представилось, как Роберт занимается этим: чистит свою обувь, расставляет ее по размерам, цветам и сезонам. Тапки к тапкам, кроссовки с кроссовками. Вся обувь выглядит так, словно ее почти не носили. Маше приходится каждый раз выкапывать свои босоножки из груды Сашкиных кед, а потом реанимировать с помощью бесцветного крема.

Все так по-другому! Другая жизнь.

Маша вздрогнула, представив себе на секунду, каково бы это было – жить здесь. Маленькая шалость простительна влюбленной девушке. Все девушки представляют себя в роли хозяек своих маленьких замков. В данном случае замок действительно был маловат. Особенно в масштабах Машиных фантазий.

– Маша? Вы чего тут стоите? – Роберт выглянул из комнаты и ободряюще улыбнулся. – Проходите в кухню.

– Я принесла вам кофе, – и она протянула один из двух бумажных стаканчиков, запоздало испугавшись, что кофе, наверное, давно уже остыл.

– Вот спасибо. – Роберт удивленно склонил голову и взял кофе из Машиных рук, слегка прикоснувшись к ее пальцам своими. Другой рукой он придерживал мобильный телефон, по которому, собственно, все еще вел разговор. Маша слушала его немецкую речь, шла за ним и думала о том, что зря она не уделяла внимания языкам. Роберт свободно говорил на английском и немецком, Маша знала это, но никогда не слышала, как звучит его голос на незнакомом языке. Очарованная, она присела на стульчик в совсем небольшой кухне. Для Золушки сорок второго размера. Даже Маше с ее сорок четвертым тут было слегка тесновато.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.